

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

№ 229

Г.А. КОМАРОВА

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: ПОЛЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Москва 2012

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ № 229

Г.А. Комарова

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: ПОЛЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Москва ИЭА РАН 2012

Серия:

Исследования по прикладной и неотложной этнологии (издается с 1990 г.)

Редколлегия: академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.), к.и.н. Н.А. Лопуленко, д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы. При использовании ссылка на материалы обязательна.

К-63 Комарова Г.А.

Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М., ИЭА РАН, 2012. — Вып. 229. — 36 с. ISBN 978-5-4211-0069-0

В докладе рассматривается опыт отечественного научного сообщества в области междисциплинарного развития одного из актуальных научных направлений современной отечественной социально-культурной антропологии. Особое внимание уделено вопросам теории и методики в изучении антропологии академической жизни.

© ИЭА РАН – 2012 г. © Г.А. Комарова – 2012 г.

Г.А. Комарова

Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований*

Resume

THE ACADEMIC LIFE: A FIELD OF INTERDISCIPLINARY SCHOLARLY RESEARCH

The report focuses on the anthropology of academic life as a new field of anthropological studies in contemporary Russia. A special attention is paid to theoretical and methodological issues as well as multidisciplinary studies.

«Живя в нынешнем мире, было бы крайне безответственно и даже недостойно со стороны антропологов перестать заниматься изучением не только других, но и самих себя, а также делиться результатами своих исследований».

Морис Годилье

Глобализация и модернизация в постсоветские годы активизировали и вместе с тем усложнили адаптационные процессы не только в разных сферах жизни, но и в разных культурах, национальных образованиях, государствах, во всей мировой системе в целом. И в этой связи адаптационные нагрузки на членов российского академического сообщества возросли безмерно еще и по той причине, что наряду с адаптацией к постсоветской ситуации, к новым рыночным и либеральным ценностям и реалиям, к новым информационным технологиям и стандартам жизни, идет постоянная перестройка и самой академической системы. Сложившаяся ситуация требует от ученого выработки все новых и новых адаптивных стратегий, т.к. именно социальная адаптация как форма социальной активности позволяет академической системе приспосабливаться к внешним для неё требованиям и тем самым обеспечивать самосохранение и возможность успешного развития в дальнейшем.

Между тем именно в постсоветские годы стало очевидным, что основной потенциал развития современного гуманитарного знания таится в тесном контакте с общественной реальностью, которую необходимо осмыслять, также как и

^{*}Работа выполнена в рамках проекта «Антропология академической жизни как новаторская практика этнографического описания и этнологического понимания» по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» и при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00105А.

каждый собственный мотив самого исследователя, каждый свой шаг на пути к получению знания. Неслучайно, что новыми аспектами научных дискуссий этих лет стало, во-первых, понимание частью ее участников принципиально нового характера отношений исследователя с источником; предмета и способов исторического познания; содержания и природы полученного знания, а также формы его изложения и последующих интерпретаций исследовательского текста; а вовторых, впервые в истории отечественной социогуманитаристики были подняты вопросы не только о возможной глубине исследовательского понимания, но и о критериях объективности и способах контроля со стороны исследователя над собственной творческой деятельностью. Успешный поиск в гуманитарных науках особенно требует осмысленного подхода в применении методологии и исследовательских методов, но, прежде всего критичного отношения к личности самого исследователя. Анализ истории науки показывает, что в основе развития научного знания лежит не накопление информации, но смена парадигм – методологических подходов, которые позволяют эту информацию получать. Современная социально-культурная антропология также расширяет методологическую базу исследований, демонстрируя преимущества интерпретативного подхода перед позитивистской парадигмой. Однако подобные взгляды и научные подходы, с которыми, в частности, еще в начале 1990-х гг. выступали В.А. Тишков и его единомышленники, все еще далеки от значительного числа наших коллег.

«Этнография этнографии» В.А. Тишкова

К началу 1990-х гг. определенная либерализация общества затронула и отечественную этнографию, породив острые дебаты не только о ее назначении, статусе и объектах, но даже по поводу самого названия научной дисциплины. Именно в эти годы начались критическое переосмысление накопленного опыта и освобождение от советского идеологического наследия. Постсоветская этнография/этнология/антропология, как и все социогуманитарное знание в целом, переживала (и по сей день переживает) глубокие внутренние трансформации, которые в полной мере проявляются и на поверхности академической жизни: в смене поколений, интеллектуальных ориентаций, исследовательских парадигм, языка науки и т.д. К тому же наша дисциплина в последние 15–20 лет испытывает большие трудности в конструировании собственного дисциплинарного поля и не без труда отвоевывает свое место в постоянно меняющемся научном мире, где с ней конкурируют смежные науки. Все это еще в начале 1990-х гг. потребовало глубокого переосмысления дисциплинарных основ, оформления новой четкой дисциплинарной программы, выработки стратегии и т.д. с целью упрочения идентичности дисциплины в современном российском научном мире. Это - с одной стороны.

С другой стороны, как отмечал И.С. Кон, наше общество в те годы «вообще не переносило никаких перемен, любые новые идеи < ...> встречались в штыки как отход от традиций и т. п. В этих условиях создать и утвердить новую парадигму было куда как трудно»¹. Одной из причин такой ситуации было то, что подавляющее большинство наших сограждан, не приученных в советские времена к саморефлексии как в общественной, так и в интеллектуальной жизни, боялись любых новшеств и хотели только порядка и спокойствия, хотя бы в сфере собственных занятий. Попытки самостоятельного переосмысления, рождающие творческие ростки, были крайне редкими в советском обществе и всегда вызывали резкий отпор системы и встречали агрессивное сопротивление среды. К сожалению, и академическая среда не была и не стала исключением из этого правила: серьезная методологическая рефлексия, как правило, пугала и пугает многих ученых. Неслучайно, наряду с появлением в отечественной науке новых разнообразных исследовательских подходов и по сей день значительная часть этнографов/этнологов/антропологов по-прежнему придерживаются эссенциалистских воззрений. Именно в таких сложных обстоятельствах и начиналось не только критическое переосмысление накопленного опыта и освобождение от советского идеологического наследия в этнографии, но и появлялся опыт рефлексии и саморефлексии, «этнография этнографии», как ее определил В.А. Тишков.

Еще до распада СССР в своей работе «Ученый и академия» Тишков писал: «Хорошо, что проходит время, когда наукой помыкали, а обществоведение было прислужником системы. Но советские ученые, не успев испытать роскоши выстроить собственные 'башни из слоновой кости' могут оказаться перед новой опасностью – безоговорочным соучастием в деятельности механизмов властных структур в обществе, теряя тем самым свое главное право – право на свободу, во всех ее проявлениях, в том числе на то, чтобы подвергать постоянному вызову существующий порядок вещей»². Далее автор отмечал: «Ни в одном другом зарубежном научном сообществе нет такой иерархии организационных должностей и званий, соподчиненности и властных полномочий одних членов профессии над другими, такой резкой стратификации в доходах, наконец, неприглядных явлений паразитирования одних за счет других, лицемерия, заискивания, беспринципности и протекционизма» и настаивал на том, что ученым «нужно дать элементарное право на свободу, на честную конкуренцию идей и научных результатов, на творческий рост, на независимость от чрезвычайной тесноты социальных связей, когда постоянно кто-то от кого-то зависит, кто-то кому-то подчиняется, кто-то чего-то не утверждает»³. Неслучайно, что именно В.А. Тишков одним из первых затронул проблему этики и морали, напрямую связанную с опытом рефлексии не только в этнографо/этнолого/антропологическом сообществе, но и во всем отечественном научном мире. Еще в советские времена он высказал мнение о том, что для советских ученых важнее всего «...этический кодекс норм и правил, который оздоровил бы внутри академический климат, вселил бы в него подлинный дух демократии и высокой морали»⁴.

Трудно не согласиться с мнением И.С. Кона о том, что именно статья В.А. Тишкова «Советская этнография: преодоление кризиса», опубликованная в 1992 г., послужила хорошим началом для рефлексии по поводу состояния и перспектив нашей науки⁵. В последствии появилось еще много различных работ, посвященных проблемам отечественной науки. Но именно эта публикация вызвала особый интерес коллег и послужила стимулом для многочисленных интеллектуальных дискуссий, которые активно и весьма интересно велись в начале 1990-х гг. на страницах «Этнографического обозрения» под рубрикой «Размышления о судьбах науки». Именно она позволила ученым лучше понять проблемы и состояние отечественной науки, принесла взаимную пользу представителям различных научных сообществ. Основной пафос Тишкова и его сторонников был направлен против устоявшегося представления об объекте научного познания, который выступает в новом толковании не как нечто внешнее по отношению к познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Как отмечал В.А. Тишков, главная беда нашего обществоведения заключается в том, что мы постоянно онтологизируем собственные категории, приписывая им самостоятельное существование, тогда как в действительности все они – более или менее условные конструкты, имеющие прежде всего эвристическую ценность, помогающие нам осмыслить и организовать наш жизненный опыт и научный материал. Поэтому они, как и связывающие их научные парадигмы, постоянно изменяются, создавая в науке элемент неопределенности, но одновременно рождая новые интуиции и подходы. В гуманитарном исследовании главное – нюансы и полутона, жесткие схемы «работают» только в элементарных учебниках, да и те каждые несколько лет переписываются⁶.

Для появления и развития рефлексии и саморефлексии в научно-исследовательской практике В.А. Тишкова большую роль сыграло то, что, как отметил в своей рецензии на его книгу «Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)» известный антрополог В.В. Бочаров, «В.А. Тишков прекрасно понимает, что любое необдуманно сказанное слово может стать мощной материальной силой, способствуя разрастанию противостояния...». Анализируя деятельность СМИ по освещению чеченского конфликта, В.А. Тишков пишет: «В современных конфликтах СМИ представляют собой огромную мобилизующую и сражающуюся силу. Это такой же боевой ресурс, как танки и артиллерия» 7. Очевидно, что в такой ситуации ученый обязан с огромной ответственностью относиться к своим «словам». Поэтому постановка В.А. Тишковым на теоретическом уровне проблемы морали как органической части исследовательской стратегии антрополога представляется крайне своевременной. «Эта тема может и должна иметь продолжение в соответствующих учебных курсах по профессиональной подготовке антропологов в вузах страны» 8.

В.А. Тишков в своих работах постоянно напоминает: «Власть ученого заключается в текстах его исследований и в выводах, которые он делает. Они, действительно, могут оказать мощное влияние на образ мысли не только политиков, но и широкой общественности. И от профессионализма этих взглядов многое зависит. Есть ведь и лженаука. К сожалению, в нашем обществе, в том числе и в области этнографии, в последние годы возникло очень много теорий, разжигающих ксенофобию, расизм, имеющих в таком виде прямую политическую проекцию» Отмечу, насколько позиция В.А. Тишкова в этом вопросе созвучна со словами Джеймса Клиффорда: «Даже лучшие этнографические тексты — будучи серьезным, достоверным вымыслом — остаются системами или предприятиями по переработке истины. Власть и история действуют через них путями, не вполне подконтрольными их авторам» 10.

Подобная научная позиция особенно должна быть понятна тем ученым, кто также как и В.А. Тишков, занимается самыми животрепещущими проблемами современности. Не секрет, что изучение, например, межэтнических отношений в наши дни сопряжено с трудностями и даже препятствиями, с которыми, как правило, сталкивается любой добросовестный исследователь. Дело в том, что в современном российском обществе все чаще наблюдается, с одной стороны, тенденция повального, огульного этнонационального мифотворчества и, с другой стороны, сужения, а то и полного игнорирования рационального научного знания, того академического знания, чем всегда славились наша отечественная наука и общество. К сожалению, современное общество, питающееся этнонациональными мифами, не нуждается зачастую в истинных рациональных знаниях о себе самом и в результате попадает в интеллектуальный тупик, создавая внутри себя жесткий полярный мир, который не знает, как и сама мифология, оттенков, полутонов, и вообще, какой-либо рефлексии. В подобном полярном обществе существуют лишь два полюса: «добро» и «зло». Члены подобного общества ждут, а мифотворцы требуют от любого ученого лишь подтверждения своего этнонационального мифа. Вот почему исследователю такого общества очень сложно донести до людей полученные им рациональные знания, а не ожидаемые от него вымышленные факты и подтасованные цифры. Особенно трудно приходится современному антропологу, если результаты его конкретного исследования хоть в малой степени не соответствуют господствующим в исследуемом обществе мифам: ученый, не сумевший или не пожелавший подкрепить миф сциентистскими аргументами, тут же причисляется к миру зла. Это – одна из реальных серьезных проблем исследователей российской современности. Чтобы решить ее, современный антрополог должен, во-первых, обладать четкой и высокоразвитой теоретико-социологической аргументацией; а во-вторых, постоянно осваивать новые исследовательские парадигмы, реализуя их в конкретных полевых исследованиях.

Отечественные этнологи/антропологи, изучающие современные проблемы этнического взаимодействия, также постоянно наталкиваются еще на одно препятствие: своеобразный языковой барьер, связанный с проблемами понятийнотерминологического характера. Как известно, во второй половине минувшего века в нашей отечественной науке в целом сложилась определенная система вполне политкорректных норм обсуждения проблем этнического взаимодействия. Это – устойчивые словосочетания, активно используемые в научной литературе, в официальных документах, общественных и научных дискуссиях и т.д., а также запретные слова, выражения, различного рода обывательские топосы. Однако в постсоветский период эта нормативная система, как и общероссийское культурное пространство в целом, не только трансформировались, но и частично распались. В результате сегодня в общении с интервьюерами исследователь-антрополог встречает особые трудности, т.к. в бытовой речи на обывательском уровне, как правило, используется не просто иной язык, отличный от языка социологического исследования, но множество их вариантов, не только «язык согласия», но и «язык вражды», характеризующие всю палитру ориентиров и установок в сфере межэтнических отношений, присутствующих в изучаемом сообществе. Для отечественного антрополога особенно необходима, по словам В. Рокитянского, «готовность к встрече с иным, незнакомым, чужим, способность не пропустить ситуацию такой встречи, уместно и достойно ее провести – все это требует определенных человеческих качеств и компетенции. Не всякий готов, но именно в этом проявляется профессионализм антрополога»11.

И, возможно, существует какая-то закономерность в том, что именно В.А. Тишков одним из первых в отечественной этнографии/этнологии затронул проблему рефлексии и саморефлексии в научном сообществе. Ведь до прихода в антропологию он много и профессионально занимался историографией, в том числе и зарубежной, и поэтому прекрасно осознавал, что, во-первых, историография и обобщающие работы были, есть и будут важной частью любой науки, и что, во-вторых, проводить качественные полевые исследования, не зная истории и современного состояния науки, невозможно. Трудно также не согласиться с известным ученым и мыслителем наших дней О.И. Яницким, считающим, что «нельзя написать научную статью, не обозрев всё, что сделано в этой области до тебя. И это не реверанс, не отписка, а тяжкий труд, поскольку, чтобы критически оценить чей-то вклад, ты должен знать много больше упоминаемых тобою авторов — нужна точка отсчета, объемлющая концепция»¹².

Именно подобная научная позиция послужила толчком для создания в 1990—2000-е гг. В.А. Тишковым серии интервью с патриархами отечественной этнографии: С.А. Арутюновым, С.И. Бруком, Е.П. Бусыгиным, С.И. Вайнштейном, Т.А. Жданко, Л.И. Потаповым, К.В. Чистовым и др. ¹³ «Исповедуя своего рода методологический индивидуализм и предрасположенность к научным иннова-

циям, - говорит В.А. Тишков в интервью, данном журналу «Этнополис», - я всегда считал одним из принципов научной деятельности внимание к вопросам научной преемственности и воздание должного вклада в науку представителей старшего поколения. Именно по этой причине мною были выполнены серии разговоров-интервью с выдающимися представителями отечественной этнологии»¹⁴. Более того, в 2008 г. в книге «Наука и жизнь. Разговоры с этнографами», составленной на основе интервью крупнейших отечественных ученых, патриархов нашего научного сообщества, В.А. Тишков признается: «Эти интервью - своего рода попытка саморефлексии в рамках собственной дисциплины, если хотите, этнография этнографии» 15. И далее автор-составитель книги делает вывод о том, что «со второй половины XIX в., когда появляется плеяда чисто профессиональных ученых, которые занимаются собиранием, регистрацией, изложением, интерпретацией этих текстов, и до последнего времени, мне кажется, вот этой самой рефлексии не хватало»¹⁶. Книга В.А. Тишкова «Наука и жизнь: разговоры с этнографами» содержит богатейшие материалы, освещающие прошлое, настоящее и будущее не только российского этнологического сообщества, но и других отечественных и зарубежных академических сообществ. В целом она раскрывает одну генеральную тему «Профессия как образ жизни ученого». Представленные в ней тексты, безусловно, сами по себе уже являются документами «субъективной» истории ученого как автоэтнографического источника. Это издание вносит большой вклад в разработку пока еще мало освоенного отечественными исследователями, но весьма перспективного и важного для нашего профессионального сообщества новаторского направления – антропология академической жизни.

Антропология академической жизни как постсоветская новаторская практика

«Наука, – по мнению известного отечественного исследователя А.Л. Елфимова, – это одновременно и профессиональный, и экзистенциальный проект, на который оказывают воздействие стимулы и раздражители по обе стороны. <...> Процессы в науке, как и в любой другой сфере, опосредованы процессами в повседневности в гораздо большей степени, чем мы иной раз позволяем себе представить» 17. Конечно же, определенные попытки самосознания профессии в научном этнографическом сообществе можно обнаружить и в прошлом. В частности, существовали отдельные научные курсы, помогающие самоосознанию студентами ремесла: историография, источниковедение, методика полевой работы и т.п. Но в своем подавляющем большинстве они подавались как догма в ортодоксальном советском стиле, а не в рефлекторной форме. В результате многим нашим коллегам по-прежнему не достает не только «этой самой рефлексии», но и само-

рефлексии. И хотя отдельные оптимисты и отмечают определенное «повышение уровня рефлексии научного сообщества», более верным представляется мнение об отсутствии саморефлексии у большинства членов НЭС и о «чрезвычайной неспешности освобождения исследовательского сознания от тоталитарных стереотипов»¹⁸. Как точно подметил С.Н. Абашин: «Нельзя сказать, что такая саморефлексия – что-то совершенно новое в научной жизни. Ученые всегда испытывали потребность размышлять о своей профессии, о себе как исследователях, о своих отношениях с объектами, которые приходится изучать, тем более, если это – люди. Однако эта саморефлексия вытеснялась в сноски, во введения или заключения, пряталась в скобки или же получала права в жанре воспоминаний. В российской науке, которая поднимала 'на гора' кубометры 'объективного' знания, у саморефлексии не было своего легального статуса, она считалась чем-то субъективным, посторонним, чем-то, что может только помешать познанию, поставить под сомнение 'профессиональный суверенитет исследователя'. Впрочем, иногда стыдливое отношение к 'полю' объяснялось нежеланием выносить наружу, показывать порой очень сомнительную изнанку повседневного исследования, подрывать этим авторитет полученных результатов, закрепленных потом в высоком социальном статусе самих ученых» 19.

Олной из причин сложившейся ситуации, на мой взгляд, служит не только полное отсутствие поворота отечественных гуманитариев к двойной рефлексии, но и дефицит элементарной саморефлексии у современного исследователя. Считается, что по-своему счастливы те, кто не обременен ее муками. Однако отечественный интеллектуал тем и был всегда знаменит, что отличался повышенной саморефлексией. Ее опыт, по мнению известного российского социолога Б.В. Дубина, ныне не только должен быть освоен каждым, кто считает себя интеллектуалом, но должен стать публичным. «Мучительность состояния в том, что этот опыт переживается как индивидуальный, в то время как вообще-то он надындивидуален, и задача сделать его публичным»²⁰. К сожалению, в отечественных социогуманитарных науках очень мало подобных исследований. Исключение составляют лишь отдельные работы А.В. Артюшиной, Г.С. Батыгина, К. Богданова, Б.В. Дубина, А.Л. Елфимова, Л.А. Козловой, А.Г. Левинсона, А.А. Никишенкова, А.А. Пригарина, П.В. Романова, С.И. Рыжаковой, М.М. Соколова, С.В. Соколовского, В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана, Т.Б. Щепанской, А.В. Юревича, О.Н. Яницкого, Е.Р. Ярской-Смирновой и некоторых других ученых, представляющих различные направления социогуманитарного знания. Однако они крайне редки и малозаметны на фоне господствующих научных традиций.

Между тем социогуманитаристика в последние 15–20 лет все чаще проявляет интерес к самым различным социальным и культурным группам, что становится возможным благодаря расширению методологической базы исследований и распространению этнографического метода. Ученые все шире используют мировой опыт современной антропологии с ее ориентацией на малые социальные

группы, продолжительные полевые исследования, «насыщенное описание», скрытые от внешнего наблюдателя формы общественного взаимодействия и коммуникации, «подразумеваемые значения», «emic points of view» и т.д. Мировая наука развивается в направлении анализа методологических основ исследования профессиональных субкультур, демонстрируя преимущества интерпретативного подхода перед позитивистской парадигмой. В этой связи, кажется, что было бы естественно отечественной антропологии обратить внимание на исследование себя самой – на изучение сообщества ученых, академического научного сообщества своими собственными методами. А уж для этнографов/этнологов/антропологов, тем более именно антропологическое академическое сообщество, в первую очередь, и должно представлять научный интерес, т.к. генезис данного жанра в антропологии, безусловно, связан с антропологическим знанием. Однако, несмотря на всю естественность и актуальность такой постановки вопроса, лишь единицы активно и плодотворно исследуют мир профессий (в том числе, и мир академического сообщества). Между тем именно этнографы/этнологи/антропологи располагают для этого большим набором исследовательских методов. Часть из них заимствована из других научных дисциплин, однако по-прежнему исключительно антропологическим методом являются полевые исследования, которые предполагают проживание исследователя в изучаемом им обществе на протяжении продолжительного периода времени; участие, насколько это возможно, в его повседневной жизни; наблюдение за такой жизнью даже тогда, когда исследователь не может принимать в ней активное участие, и интервьюирование членов этого общества не только как конкретных людей, изучаемых с определенными целями, но и как информантов, т.е., носителей информации об обшестве, его повседневной жизни и верованиях.

Для нашего научного направления особый интерес представляет то обстоятельство, что исследователь-этнограф в процессе работы сначала преобразует сложный опыт полевого наблюдения в своих записях, а затем вновь интерпретирует их, пропуская через сито аналитических методов и теории. В результате возникает именно такой вид знания, который, с одной стороны, имеет статус профессионального дискурса, поскольку производят его профессионалы в процессе своей деятельности, и вместе с тем, это знание о профессии, о реальных практиках ее осуществления; а, с другой стороны, оно (это знание) может быть предметом исследования антропологическими методами, т.е. допускает власть интерпретации. Это позволяет перейти от анализа метода как части индивидуальной исследовательской практики к видению его в контексте существования «воображаемого сообщества» социальных исследователей; рассматривать исследовательскую практику как коллективный процесс, протекающий среди этнологов (а также интервьюеров и их информантов), т.е. как особого рода социальное взаимодействие. К сожалению, очередной раз приходится констатировать, что возможность и, необходимость антропологического взгляда на антропологию как научную дисциплину, социально и культурно обусловленную практику, в отечественной науке практически еще не осознана. Между тем, в работах западных ученых подобные подходы разрабатываются с конца 1960-х гг., в результате чего зарубежное научное сообщество получило новые возможности соблюдения важнейшего для науки нормативного требования – осуществлять внешнее наблюдение на каждом из этапов порождения знания. Наблюдение при этом понимается двояко: как историческая и как социальная функции, подразумевающие внимательное отношение не только к структуре научного исследования, но и к его социальной истории. В этом случае ученый-наблюдатель, наряду с узко дисциплинарной специализацией, одновременно выступает и социологом, и историком по отношению к тому корпусу знаний, который он исследует. Основу такого исследовательского подхода составляет конструктивистская идеология, которая последовательно реализуется в наблюдении за тем, как ученые конструируют мир природы, и за тем, как сами исследователи конструируют мир научного сообщества. Такой поворот к двойной рефлексии, по мнению наших зарубежных коллег, способен постепенно подготовить переход мировой антропологии на новый уровень развития21.

Современная российская этнолого-антропологическая школа по-прежнему занимает достаточно периферийное положение в международных научных дискуссиях, невзирая на многие глубокие изменения, произошедшие в ней за последние двадцать лет. И все же, новаторское для российской науки исследовательское направление – антропология академической жизни, возникшее в ИЭА РАН, уже не только заявило о своем существовании, но и развивается на постсоветском научном пространстве, даже не будучи четко институционально обозначенным²². Свое название оно получило неслучайно. Новое для России научное направление имеет свое, отличное от принятой в западной (британской, французской) или американской научной традиции, название - «антропология академической жизни», а не «этнография этнографии», «автоантропология», «рефлексивная этнография», «автоэтнография» или «антропология дома» и т.п.²³ В отечественной научной литературе уже стало традицией, что этнография профессий в узком смысле воспринимается как метод сбора эмпирических данных и жанр описания культур, а в широком смысле – это синоним этнологии/антропологии, когда исследователь выходит на уровень понимания, обобщений и построения теории²⁴. Использование термина «антропология» в нашем случае обозначает конкретный методологический подход к исследованию различных аспектов повседневной жизни ученых и научных сообществ и предполагает не только и не столько изучение человека вообще, но изучение конкретного способа существования «академического» человека, человека академического образа жизни, а также соционормативной культуры, совокупности ритуалов и повседневных практик, сформированных сообществом «академических» людей, т.е. академическим научным сообществом, и используемых ими в сфере академической жизни.

Понятие «научное сообщество» вошло в оборот науки лишь в середине XX в. При этом решающим для анализа роли сообщества служило понимание того, что познавательная деятельность отдельного ученого оправдывается и определяется тем простым фактом, что он принадлежит к научному сообществу, т.е. входит в субстрат этого сообщества; тем, что она осуществляется и обретает смысл только в связи с ориентацией на научное сообщество как надындивидуальную реальность²⁵. В наши дни термин «научное сообщество» не только стал частью концептуального аппарата философии науки, но и традиционно служит науке для самоописания, преимущественно используясь для описания механизмов самоорганизации в среде ученых. Представляется, что такое понимание недостаточно, т.к. не дает возможности понять связь между бытием ученого в сообществе и процессом научного познания. Подобное понимание не учитывает, что любому профессиональному сообществу, в том числе и научному, присуща не только своя соционормативная культура, но более того, собственная профессиональная субкультура, особая субкультура профессии. Вслед за Т.Б. Щепанской, условимся понимать под субкультурой профессии совокупность стереотипов и норм поведения, форм дискурса, сложившихся в профессиональной среде, пронизывающих все аспекты жизни членов профессионального сообщества, функционирующих, в том числе, на уровне повседневности и транслируемых посредством механизмов традиции в рамках повседневных практик, специальных ритуализированных действий, профессионального фольклора. Носителем профессиональной субкультуры является профессиональная среда, профессиональное сообщество, в нашем случае, это – академическое научное сообщество, «включающее (по умолчанию) обладателей данной профессии, имеющих соответствующее образование, работающих по специальности, а также разделяющих большую часть символико-нормативного комплекса, в первую очередь, - совокупность культурных кодов, опосредствуюших его понимание»²⁶.

Необходимо отметить, что в отличие от многих других профессиональных сообществ, академическое научное сообщество представляет собою совокупность индивидов или коллективов, связанных обменом результатами научной деятельности по производству, накоплению или использованию научного знания. При этом поддержание устойчивых межличностных или межгрупповых отношений внутри научного сообщества обеспечивается использованием единого профессионального языка и научного аппарата (понятий, инструментов, процедур наблюдения или вывода) и каналов получения или передачи информации (научных изданий, записей на носители, научных симпозиумов, конференций и т.д.), а также достаточно развитыми формами оценки научного труда.

Подобный подход, на мой взгляд, позволит приблизить академическое сообщество к решению ключевых проблем – обеспечения самосохранения, обновления круга исследовательских тем, возможность успешного развития в даль-

нейшем. Речь идет не столько о поиске некоего идеального начала, абсолютной идеи культуры²⁷, сколько о понимании – как это идеальное начало и идеальная идея зарождается, конструируется, накапливается, становится достоянием научного сообщества, им осмысливается, формулируется и в дальнейшем продуцируется. Ставится вопрос о критериях объективности и способах контроля со стороны исследователя над собственной творческой деятельностью, т.е. решается проблема безусловной необходимости саморефлексии в рамках собственной дисциплины. Ведь именно ученые сами для себя являются главными и самыми жесткими критиками. Успешный поиск в общественных науках требует особенно осмысленного подхода в применении методологии и исследовательских методов, но, прежде всего, критичного отношения к личности самого исследователя. Анализ истории науки показал, что в основе развития научного знания лежит не только накопление информации, но смена парадигм – методологических подходов, которые позволяют эту информацию получать. Яркий пример тому – международное антропологическое сообщество, в котором «исследование того, как происходит исследование, довольно давно превратилось не просто в популярное научное направление, но и в очень влиятельное, во многом определяющее моды на концепции, структуру научной работы, ее язык и даже стиль»²⁸.

Respublica literaria как предмет междисциплинарных исследований

В 2005 г. я предложила Оргкомитету VII Конгресса этнографов и антропологов России подготовить и провести в его рамках секцию «Антропология академической жизни» (далее – ААЖ). Проведение подобной секции планировалось впервые в истории не только постсоветских конгрессов этнографов и антропологов России (далее – КЭАР), но и тех экспедиционно-полевых этнографических сессий, ежегодно проводившихся в СССР с 1950-х гг., от которых КЭАР в 1995 г. принял эстафету и с тех пор стал традиционным. Рабочая схема секции «Антропология академической жизни» с самого начала целенаправленно строилась с учетом участия в ней ученых, предметом исследований которых является профессиональное сообщество отечественных этнографов, этнологов, антропологов и представителей других ассоциированных наук различными, прежде всего, этнографическими методами, т.е. ситуация, когда «объект этнографии сам становится ее аудиторией» 29.

Саранск-2007

Идея проведения секции ААЖ на VII Конгрессе этнографов и антропологов России (Саранск, 2007) вызвала большой интерес у представителей различных научных направлений, в чьих докладах обозначился очень широкий круг тем, ос-

вещающих прошлое, настоящее и будущее не только российского этнологического сообщества, но и сравнительный анализ деятельности других отечественных и зарубежных академических сообществ, а именно:

- профессия как образ жизни ученого (Х.М. Турьинская, Л.Б. Четырова, Г.А. Комарова, Г.Н. Стоянова, А.А. Пригарин, О.С. Свешникова, Н.Л. Пушкарева, И.Р. Чикалова):
- проблемы формирования профессиональной идентичности (А.Л. Елфимов, Х.М. Турьинская, Т.Б. Щепанская, Г.Н. Стоянова, Л.Б. Четырова);
- профессиональная этика и моральная ответственность этнографа перед объектом прикладных исследований (Э.Г. Александренков, В.А. Шнирельман, Т.Б. Щепанская, С.И. Рыжакова, С.В. Соколовский, А.А. Пригарин, А.Л. Елфимов);
- общественные трансформации и «кризис» науки (С.В. Соколовский, Э.Г. Александренков, В.А. Шнирельман, А.Л. Елфимов, А.А. Кузнецов, Л.Б. Четырова);
- особенности частной стратегии выживания ученого в «трудные» времена (И.Р. Чикалова, А.А. Кузнецов, А.А. Пригарин, И.М. Благодатских, Г.Н. Стоянова);
- формирование и развитие научных идей и проектов в социокультурном контексте (В.А. Шнирельман, А.Л. Елфимов, С.В. Соколовский, Э.Г. Александренков);
- мотивация выбора научной тематики (Э.Г. Александренков, А.Л. Елфимов, А.А. Пригарин, О.С. Свешникова, Л.Б. Четырова);
- традиции и инновации, повседневный быт и праздничная культура, реалии и мифы, культы и кумиры, ритуалы и церемонии, иерархическое взаимодействие, статусные привилегии и символы и т.д. академической жизни (Т.Б. Щепанская, И.Р. Чикалова, Г.Н. Стоянова, Г.А. Комарова, Ю.Б. Чубур, А.А. Чубур, А.А. Пригарин);
- гендерные проблемы академической жизни (Н.Л. Пушкарева, О.С. Свешникова, И.Р. Чикалова, Ю.Б. Чубур, А.А. Чубур);
- проблемы единого постсоветского академического пространства (С.В. Соколовский, Э.Г. Александренков, И.Р. Чикалова, И.М. Благодатских);
- российская/советская/постсоветская академическая диаспора как международное культурное явление (И.М. Благодатских, И.Р. Чикалова, Г.А. Комарова);
- опыт сохранения отечественных академических традиций в различных социокультурных средах (Г.Н. Стоянова, Т.Б. Щепанская, И.М. Благодатских, И.Р. Чикалова, Л.Б. Четырова);
- феномен научных экспедиций и неформальный экспедиционный дискурс (Т.Б. Щепанская, О.С. Свешникова, Г.Н. Стоянова, С.И. Рыжакова, А.А. Пригарин);
- фольклор профессионального академического сообщества (Т.Б. Щепанская, А.А. Пригарин, Г.Р. Столярова, Г.Н. Стоянова);
- влияние «поля» на формирование этнографического дискурса и на консолидацию профессионального сообщества (Т.Б. Щепанская; А.Л. Елфимов, А.А. Пригарин, Н.Д. Пчелинцева, С.И. Рыжакова, О.С. Свешникова);

— документы «субъективной» истории ученого как автоэтнографический источник (Т.Б. Щепанская, С.И. Рыжакова, О.С. Свешникова, Х.М. Турьинская, Л.Б. Четырова).

В успешной и плодотворной работе многолюдной секции (на ее заседании присутствовало 64 человека) приняли участие как этнографы, этнологи и антропологи, так и историки, филологи, психологи, археологи, востоковеды, философы, музееведы, культурологи, представители других наук. На секционных заседаниях прошло обсуждение не только заявленных докладчиками проблем, но обозначились и новые темы и направления ААЖ: роль интеллектуалов и дискурсивных практик в переходных обществах; положение российской научной элиты в социальных науках, культурном производстве и системе распределения власти; философские, мировоззренческие и культурные ценности, доминирующие в академическом сообществе современной России; изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук после коллапса официального марксизма; включенность НЭС в глобальное виртуальное пространство; проблемы замены статусно-распределительной системы поддержки российского академического сообщества системой грантов и рынком интеллектуальных услуг; соотношение установки на интеграцию с западной интеллектуальной традицией и установки на изоляционизм и конфронтацию с западом; рецепции западных научных идей в современной российской науке; тематическая картография науки; вопросы внутренней экспертизы ученого; нормы научного этоса; социальный тип современного российского ученого-гуманитария: наиболее значимые элементы личностной идентичности; формирование и развитие научных идей и проектов в современном российском социокультурном контексте; провинциализм и защитный изоляционизм в науке; тема репатриации ученого из одной научной сферы в другую и др. Участники заседания согласились с тем, что проведение подобной секции было актуально и весьма полезно для деятельности нашего профессионального сообщества. Важно, что подобное мнение выражалось не только в устной форме, но также появилось и в Интернете.

В 2008 г. по итогам работы секции был выпущен коллективный сборник «Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии» Он включил в себя доклады, подготовленные для участия в секции «Антропология академической жизни» VII Конгресса этнографов и антропологов России (Саранск, 2007). Это издание — результат совместной деятельности представителей различных научных дисциплин и традиций. Среди его авторов — ученые из Брянска, Екатеринбурга, Еревана, Минска, Москвы, Одессы, Омска, Самары, Санкт-Петербурга, Ульяновска, представители различных наук социогуманитарного цикла: антропологи, этнографы, этнологи, археологи, историки, музееведы, филологи, философы и др.

Первый раздел сборника посвящен проблематике «Общественные трансформации и 'кризис' науки». В нем представлены статьи Л.Б. Четыровой «Аори-

стодицея или как оправдать социального теоретика эпохи позднего социализма», С.В. Соколовского «Российская антропология и проблемы её историографии», Э.Г. Александренкова «Кому служить? Этнограф на российском распутье», В.А. Шнирельмана «Наука и этика: могут ли ученые избежать ксенофобии». Одним из основных лейтмотивов работ этого блока стало мнение о том, что пришло время для активного и заинтересованного диалога между людьми науки и обществом. По мнению В.А. Шнирельмана, сегодня становится как никогда ясно, что наука не отделена от общества непроходимой стеной и что научные концепции, затрагивающие актуальные общественные проблемы, тут же становятся частью напряженного социального дискурса, влияющего не только на состояние общественного сознания, но и на политические решения. Это накладывает на ученых особую ответственность, и позиция отстраненности, утверждающая, что ученый якобы не несет ответственности за то или иное использование своих идей, является неприемлемой³¹.

В специальный раздел «Феномен научных экспедиций и неформальный экспедиционный дискурс» выделены статьи Т.Б. Щепанской «Символические репрезентации знания в неформальном дискурсе 'поля'», О.С.Свешниковой «Экспедиция – это вот что значит... К проблеме изучения повседневности археологических экспедиций», А.А. Чубур и Ю.Б. Чубур «Археология и археологи центра Европейской России: взгляд сквозь призму гендера», А.А. Пригарина «Модели исследовательских стратегий в этнологии: вызов поля и индивидуальный опыт», С.И. Рыжаковой «'Тело, разбросанное по земле'. Частная жизнь, профессиональная деятельность и полевая работа этнографа: к вопросу о соотношении этики и прагматики», посвященные экспедиционному дискурсу, экспедиционной повседневности, этике и прагматике полевой работы, размышлениям над тем, как сохранить баланс между этическими принципами и прагматическими целями исследования в ходе преодоления трудностей, с которыми исследователь сталкивается в «поле». А.А. Пригарин, размышляя по поводу размывания классических границ исследования в антропологи/этнологии, когда исследователь и поле, и сама исследовательская практика теряют свои привычные очертания, пишет: «Стремительно меняются акценты и технические приемы этнографической работы, но абстрактно-загадочное поле было и остается неким арбитром корпоративной стратегии»³². «Этнографическое поле», – обосновано утверждает один из современных авторов, - «это тот фундамент, на который нерушимо опираются исследовательские методы и приемы, это та стена, о которую крушатся кабинетные конструкции теоретиков, тот горн, сквозь который должны пройти любой претендент или любая идея раньше, чем они получат статус профессиональности» 33. Эпистемология науки прошла значительный путь эволюции - от эволюционизма и структурализма до культурного релятивизма или постмодерного плюрализма. Многообразие дисциплинарного опыта породило маргинальные жанры, многие из которых со временем оформились в отдельные академические «цеха». При этом «поле» – незыблемо воспринимается источником корпорации и всех антропологов.

Третий раздел сборника составили статьи Х.М. Турьинской «Автоэтнографические источники в научном наследии В.В. Богданова» и А.А. Кузнецова «Антропология современного провинциального музейного сообщества (на примере историко-краеведческих музеев г. Ульяновска», рассказывающие о проблемах музейной повседневности, которая, по мнению последнего автора, также «находится в русле такого направления этнографических исследований как антропология науки (в том числе академической), 'исследование лабораторий' и тесно смыкается с социологией научного знания» ³⁴. Исследователей интересует социальная среда и, прежде всего, ее культурный контекст, в котором формируется личность ученого и который оказывает влияние на его жизнь и творчество. В целом тема влияния среды и вненаучных факторов на науку и научную деятельность исследователя занимает важное место и в других статьях.

Последний раздел сборника содержит один из ярких образцов фольклорного творчества членов отечественного НЭС — представителей казанской этнографической школы. Это — сценарий концерта, посвященного 70-летию профессора Казанского государственного университета Е.П. Бусыгина, известного российского ученого, патриарха отечественного этнологического сообщества. Издание неслучайно получило уточняющее название «Адаптационные процессы и адаптивные стратегии». В данном случае внимание акцентируется на социальной адаптации как форме социальной активности, позволяющей академической системе приспосабливаться к внешним для нее требованиям и тем самым обеспечивать самосохранение и возможность успешного развития в дальнейшем.

Закономерно, что среди вопросов, на которые авторам сборника хотелось бы найти ответы, поднимаются следующие: формирование и развитие научных идей и проектов в социокультурном контексте переломной эпохи; профессиональная этика и моральная ответственность ученого перед объектом прикладных исследований в период общественных кризисов; трансформационные процессы в социуме и адаптационные возможности научного сообщества; опыт сохранения отечественных академических традиций на стыке эпох и формаций; тема репатриации ученого из одной научной сферы в другую; особенности частной стратегии выживания ученого в «трудные» времена; роль интеллектуалов и дискурсивных практик в переходных обществах; положение российской научной элиты в социальных науках, культурном производстве и системе распределения власти в условиях трансформирующегося общества и т.п. Все они достойны самого пристального профессионального внимания и требуют серьезных исследований, так как и по сей день остаются без ответа. Не вызывает сомнения лишь тот факт, что метаморфозы, происходящие в российской науке, в отечественном научном сообществе в постсовет-

ские времена, радикальные трансформации научной повседневности невозможно понять без обращения к антропологии академической жизни.

Появление первого тома «ААЖ» вызвало большой интерес как у этнографов/этнологов/антропологов, так и в других научных сообществах не только России, но и ближнего зарубежья35. Например, известная украинская исследовательница Елена Боряк пишет: «Включение в программу VII Конгресса этнографов и антропологов России (Саранск, 2007) секции 'Антропология академической жизни' вызвало мою искреннюю радость за российских коллег. Подобная тематика выносилась на обсуждение научным сообществом впервые <...>. То же можно сказать и о вышедшем в кратчайшие сроки специальном сборнике под таким же названием, куда была включена часть научных докладов, подготовленных для участия в упомянутой секции. Подобная новация в сфере выбора тем для исследования является скорее всего результатом частной инициативы отдельных российских этнологов. Тем весомее появление сборника – на мой взгляд, оно стало незаурядным событием не только для российской этнологии <...>. В заключение лишь отмечу – идея разработки направления 'антропология академической жизни' оказалась и продуктивной, и заразительной. Среди моих украинских коллег-этнологов наметился интерес к личным архивам. Похоже, ищем 'академический фольклор'»³⁶. Как полагает социолог Кирилл Корякин, «публикация сборника статей 'Антропология академической жизни' является важным шагом на пути популяризации идеи саморефлексии в общественных науках, резюмирует первую попытку вынести этот вопрос за пределы отдельных статей на широкое обсуждение в научном мире <...>. Авторы попытались указать на новый путь в развитии науки, суть которого – в изменении отношения научного сообщества к своей деятельности, к выходу на новый уровень самосознания благодаря саморефлексии»37.

Интересно, что коллеги, представляющие родственные научные дисциплины социогуманитарного цикла, с энтузиазмом и симпатией приветствовали выход сборника «ААЖ», высоко оценив работы большинства его авторов и проявив компетентное понимание важности и актуальности антропологического взгляда на академическую жизнь, необходимости исследования того, как происходит исследование и т.д. Между тем в этнографическом сообществе наш коллективный труд был воспринят неоднозначно. С одной стороны, сборник был признан победителем в ежегодном конкурсе ИЭА РАН на лучшее издание года и вошел в «Золотую десятку—2008». Его искренне хвалили и поддерживали те, кто понял и принял концепцию «ААЖ». Наряду с этим, первый опыт профессионального наблюдения научного сообщества за собственной средой обитания, робкие попытки исследовательской саморефлексии вызвали недоумение одних: «Зачем это нам надо — свою жизнь усложнять?» и недовольство других. «Другие», как правило, не вчитываясь в тексты сборника (что выявлялось в ходе об-

суждения их претензий), осуждали смелость и открытость одних авторов, впадали в смущение от «вольностей» других, порицали «бархатную» (на редакторский взгляд) критику третьих. Например, те, кто десятилетиями изучает научное наследие известных российских этнографов, посвящая этому все свое творчество, были обижены мимолетным замечанием одного из авторов сборника о том, что обычно «в отечественной этнологии даются лишь парадные портреты». Подобная реакция была вполне ожидаемой, о чем мне уже приходилось писать³⁸. Все рецензии на сборник носили серьезный научный характер и положительно оценивали работу авторского коллектива³⁹. Особенно важным для участников проекта «ААЖ» стало известие о том, что по итогам мониторинга научной жизни российского антропологического сообщества за 2008 г., проведенного журналом «Антропологический форум», сборник «Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии» не только попал в итоговый список опроса, но и занял в нем одно из ведущих мест в номинации «Сборник научных статей». Устами редколлегии одного из самых авторитетных в отечественной социогуманитаристике журнала было сказано: «Нельзя не отметить, что в числе выделенных участниками опроса сборников оказался коллективный труд, посвященный антропологии академической жизни, - большая удача коллектива авторов, возглавляемого Г. Комаровой. До сих пор эта сфера не была объектом пристального внимания российских антропологов, и вполне закономерно, что первый опыт вызвал такой интерес»⁴⁰. В ходе мониторинга также высоко были отмечены опубликованные в сборнике «ААЖ» статьи С.И. Рыжаковой, С.В. Соколовского, В.А. Шнирельмана, Т.Б. Щепанской.

Оренбург – 2009

Основополагающей идеей подготовки и проведения следующего заседания секции «Антропология академической жизни» в рамках VIII КЭАР (Оренбург, 2009) была выбрана научная междисциплинарность в исследованиях ААЖ. Кстати, именно она изначально была заложена и в расширенное название секции: «антропология академической жизни», а не «этнография этнографии», например. Ставка на междисциплинарный подход в русле этого исследовательского направления была сделана неслучайно. Бесспорно, что исследование многих современных проблем требует систематической междисциплинарной кооперации всех наук о человеке и обществе и сравнительно-исторического их изучения. Для того чтобы наша наука соответствовала реалиям времени и была востребована современным обществом, круг ее исследовательских проблем может и должен обновляться. Вместе с тем, именно грамотное использование междисциплинарного подхода способно даже в многократно клонированной тематике высветить и исследовать новые, актуальные проблемы. В целом, зная и уважая, но вместе с тем, не разделяя мнение отдельных коллег, считающих, что расширение рамок предмета этнографии разрушает науку, я уверена, что расширение границ традиционной этнографии и сближение ее со смежными науками — тенденция современного познания мира. Совершенно очевидно, что междисциплинарный подход к исследованию многих научных проблем, в том числе, и в области антропологии академической жизни, весьма перспективен и на сегодняшний день в этнографических/этнологических исследованиях он не потерял своей актуальности.

Среди основных причин подобной актуализации междисциплинарного подхода в нашей науке обычно называют следующие. Во-первых, целый ряд научных тем и дискуссий, столь популярных в прошлом, в наши дни переходят из актива в пассив и становятся на рубеже XXI века «историографией». В то же время новые темы и области интересов нередко возникают именно в ходе междиспиплинарных дискуссий по общим и частным проблемам культурных и социальных исследований. И происходит это гораздо чаще, чем в ходе внутридисциплинарных диалогов представителей одного профессионального сообщества. Вовторых, все новое возникает и оформляется лишь на основе старого как его дальнейшее развитие или преодоление, а чаще всего, как и то, и другое. Изучение этих процессов может быть только междисциплинарным, что сопряжено с определенными теоретико-методологическими трудностями. История развития этнологии и смежных с ней дисциплин очень непроста: иногда они разграничивают свои предметы исследований; иногда заимствуют друг у друга знания и методы. Но при этом представители разных дисциплин не могут не понимать, что сила антропологического подхода в том, что «он представляет собой попытку увидеть вещи в их взаимоотношении вместо того, чтобы рассматривать их по отдельности»⁴¹. И, в-третьих, за последние полтора-два десятилетия условия и способы проведения научных полевых исследований кардинально изменились. Их методика, как и методология современной науки в целом имеют в значительной мере междисциплинарный характер.

Таким образом, междисциплинарность в отечественной этнологии попрежнему актуальна. И абсолютно правы те ученые, кто считает, что «все мы (этнографы, антропологи всех изводов, археологи, социологи, историки, фольклористы, социолингвисты и др.) работаем в одном общем пространстве, которое обозначается такими ключевыми понятиями, как человек, социум и культура. Границы между нашими дисциплинами условные. В интересах каждого, чтобы они стали максимально прозрачными и проницаемыми. Нам нужно почаще навещать друг друга. Польза от этого будет несомненная. Интересных и важных тем хватит с избытком. Причем, чем более интенсивными будут междисциплинарные контакты, тем больше будет выявляться неисследованных сюжетов» 42. Такой возможностью навестить сообщество этнографов/этнологов/антропологов стало приглашение наших коллег, представляющих сопредельные научные дисциплины, к участию в работе секции «Антропология академической жизни» в рамках VIII КЭАР в июле 2009 г. в г. Оренбурге. Идея проведения секции ААЖ вызвала

живой интерес у представителей других научных сообществ и собрала большой и разнообразный круг участников. Итогом ее работы стал сборник «Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования». Это – результат совместной деятельности представителей различных научных дисциплин и традиций из разных научных центров России, Украины, Беларуси, США, в котором антропологи, этнографы, этнологи, социологи, востоковеды, археологи, философы, историки, филологи, музееведы и др. исследуют проблемы, наиболее актуальные для собственных научных направлений, но находящиеся в исследовательском поле ААЖ. Столь широкий междисциплинарный подход позволил авторскому коллективу охватить достаточно разноплановые аспекты этого направления. Все их разнообразие представлено авторским коллективом в текстах, различных в жанрово-стилевом отношении (научная статья, обзор, эссе, автоэтнографические заметки, интервью, рецензии), сгруппированных в четыре раздела, охватывающих ключевые вопросы академической жизни. Первый раздел сборника посвящен историко-культурологическим аспектам антропологии академической жизни. Он открывается статьей Сергея Соколовского «Автоэтнография и антропологические исследования науки». В ней дается обзор современного состояния исследований антропологии науки, связанных с «рефлексивным поворотом» науки о «других» к собственному сообществу, выразившийся в появлении такого нового жанра в постмодернистской антропологии как автоэтнография, который сочетается в этой относительно новой для нас области исследований с вниманием к профессиональным субкультурам. Автор глубокой и содержательной статьи характеризует специфику российской ситуации в связи с особенностями антропологических исследований в нашей стране. Эта работа видного отечественного антрополога С.В. Соколовского, на мой взгляд, перекликается со многими текстами, входящими не только в первый блок текстов, но и в другие разделы сборника.

Ключевые слова публикации С.В. Соколовского: автоэтнография, рефлексивность, память, репрезентация, объективность, этика исследований – также характеризуют работы и других авторов. Прежде всего, это касается знаменательной статьи Елены Гаповой «Гендерные исследования в 'постсоветской академии'» и моего историографического обзора «Антропология академической жизни в системе социогуманитарного знания». Оба этих текста рассматривают ситуации, когда объект – изучаемое сообщество – практически полностью совпадает с его субъектом – сообществом экспертов. В итоге, во-первых, выявляется, что такой взгляд обнажает множество проблем. И, во-вторых, подтверждается вывод о том, что автоэтнографическое исследование в подобном случае становится плодотворным контекстом для обсуждения этнографического метода в целом, поскольку высвечивает те его аспекты, которые при исследовании «иного» (дистанцированного) объекта выводятся «из зоны видимости и легко остаются в зоне умолчания». Одну из самых ярких представительниц постсоветской гендеристи-

ки Е.И. Гапову интересует комплекс проблем, связанных с возникновением и развитием гендерных исследований (ГИ) как новой системы знания на постсоветском пространстве. Автор отвечает на самой же себе поставленные вопросы: «В каких когнитивных категориях, дисциплинарных рамках и организационных структурах производится это знание? При каких обстоятельствах произошло проникновение категории гендера в постсоветское академическое пространство и в чем состоит связь между этой категорией и социальными условиями ее академического производства?» «Более же всего — пишет Елена Гапова, — мне важна та борьба за символические пространства и социальные позиции, в которую вступили гендерные исследования на постсоветской интеллектуальной территории, а также — что может сказать нам состояние гендерных исследований о постсоветской академии»⁴³.

К сожалению, в отечественных социогуманитарных науках не достает столь актуальных и оригинальных исследований, как статья Е. Гаповой. Подобные тексты, на мой взгляд, производят именно такой вид знания, который, с одной стороны, имеет статус профессионального дискурса, поскольку производят его профессионалы в процессе своей деятельности, одновременно, это — знание о профессии, о реальных практиках ее осуществления. С другой стороны, оно (это знание) само может быть предметом исследования антропологическими методами, т.е. допускает власть интерпретации. Это позволяет перейти от анализа метода как части индивидуальной исследовательской практики к видению его в контексте существования «воображаемого сообщества» социальных исследователей; рассматривать исследовательскую практику как коллективный процесс, протекающий среди ученых (в данном случае, гендеристов), т.е. как особого рода социальное взаимодействие.

Своеобразная перекличка, пересечение, определенная общность, обнаруженные между темами разных текстов первого раздела сборника, заставляют задуматься о влиянии друг на друга вопросов историографии, методологии и организации академического сообщества. В то же время, если обзор С.В. Соколовского представляет собою глубокий антропологический взгляд на современное состояние науки о «других», то автор следующей статьи первого раздела «Зачем нам изучать этнографию других стран и народов» Эдуард Александренков, отвечая на свой же вопрос, дает широкий исторический срез этой проблемы. Цель его работы — рассмотреть, как и под влиянием каких факторов складывались представления о других странах в отечественном этнографическом сообществе. Эта статья в определенной мере продолжает тематику других авторских публикаций: «Кому служить? Этнограф на российском распутье» и «Что интересовало российских этнографов в Латинской Америке?». По мнению Э.Г. Александренкова, два основных фактора определяли зарубежные этнографические поиски отечественных ученых. Во-первых, это — интерес отдельного исследователя, вызванный лю-

бопытством к синхронному «другому» и желанием увидеть иные стадии и формы развития человечества; во-вторых, — политические инициативы властных структур. В советской науке, как правило, превалировало второе обстоятельство. Однако академическому сообществу известны и такие яркие ученые, кто изучал зарубежные культуры без указаний «сверху». Прекрасный пример тому — Ю.В. Кнорозов, для которого наука была образом жизни, а его жизнь в науке — образцом для коллег.

Особенно своеобразно и затейливо статья С. Соколовского перекликается с текстом питерской исследовательницы Елены Здравомысловой. Основу ее эссе «Земной свой путь пройдя до половины...» составляет биографическое интервью, взятое у коллеги – социолога Эдуарда Фомина (1939–2002 гг.). Выпускник юридического факультета ЛГУ, один из основателей Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ), член Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС), поздний шестидесятник Э. Фомин многое сделал для того, чтобы первое несоветское поколение социологов стало естественной составной частью мирового социологического сообщества. На основе анализа интервью, данного Эдуардом Фоминым в канун его шестидесятилетия, Е. Здравомыслова не только мастерски показывает черты целого поколения российских ученых, но на примере одной биографии рельефно реконструирует поколенческую биографию отечественных социологов-шестидесятников, научная биография которых развивалась, по словам Виктора Воронкова, «фактически в неформальной сфере, где абсолютно доминировала 'устная социология'. Разговоры в коридорах института, на наших 'интеллигентских кухнях', домашние семинары сформировали среду, готовую к радикальным переменам в обществе и ускорившую эти перемены»⁴⁴. Видному российскому социологу Е.А. Здравомысловой в своем блестящем тексте удается очертить социологические рамки анализа феномена, сформулировать проблемы и обосновать ряд важных гипотез, существенных для понимания функционирования советской и постсоветской социологии; показать, как повседневность (в том числе, и академическая), окружающая ученого, формирует его научный багаж; как биография самого исследователя «работает» в качестве фактора его научной деятельности и влияет на ее результаты.

Второй раздел сборника «Современный ученый и исследовательское поле» открывает статья известного отечественного исследователя, археолога по базовому университетскому образованию В. Шнирельмана «Археолог в эпоху перемен: казус Аркаима». Автор статьи рассматривает весьма показательный и неоднозначный пример взаимодействия археологов с общественностью на археологическом комплексе Аркаим (Южный Урал), где результатом столкновения самых разнообразных интересов (рекламных, финансовых, туристических, религиозных, патриотических, националистических) стало возникновение своеобразного религиозного культа, с одной стороны, обеспечивающего музейный и туристиче-

ский центр массой посетителей (а, следовательно, и финансами), но, с другой, бросающего вызов археологической и музейной деятельности. Анализируются стратегия поведения археологов в этой ситуации и особенности их обратной связи с общественностью. На примере возникновения культа Аркаима обсуждается роль археологии и музейного дела в современном обществе. Для исследовательского поля антропологии академической жизни работа, проделанная В.А. Шнирельманом, очень значима, прежде всего, потому, что «казус Аркаима» обнажает ряд актуальных проблем, реально существующих в академической жизни, но практически не обсуждаемых в отечественном социогуманитарном научном сообществе. Во-первых, это проблема совпадения (зачастую противоречивого и нередко конфликтного) идентичностей исследователя как субъекта, изучающего среду, и как человека, принадлежащего этой среде, но имеющего в ней определенные интересы (преследующего свои вненаучные цели и, тем самым, ставящего под угрозу свой престиж в научной среде). Во-вторых, это – этические проблемы, возникающие, когда в научном сообществе обсуждаются темы, открытые «своим» и табуированные для «чужаков»; или более широко – ситуации, когда этика познания вступает в противоречие с этикой принадлежности к псевдонаучному дискурсу.

Надо отметить, что исследовательское поле – главный герой всех без исключения текстов, входящих во второй раздел сборника. Все они посвящены феномену научных экспедиций и неформальному экспедиционному дискурсу, экспедиционной повседневности, этике и прагматике полевой работы, размышлениям над тем, как сохранить баланс между этическими принципами и прагматическими целями исследования в ходе преодоления трудностей, с которыми исследователь сталкивается в «поле». При этом исследовательское «поле» рассматривается во всех его ипостасях: «поле» – этнографическое, археологическое, антропологическое, социологическое и т.д., отечественное и зарубежное, экспедиционное и стационарное, городское и сельское, традиционное и виртуальное и др. Но главное то, что «Его Величество Поле» всегда всеми исследователями воспринимается как особая методологическая (эпистемологическая) проблема возможностей и пределов познания, как цель и средство исследования. В этом плане наибольший интерес, на мой взгляд, представляют тексты патриархов этнографического сообщества, известных ученых, исследователей с огромным экспедиционным опытом С.А. Арутюнова и Н.Л. Жуковской.

Эссе С. Арутюнова «Когда гора рожает мышь» насыщено интересными и актуальными материалами, экспедиционными наблюдениями, авторскими и исследовательскими впечатлениями, воспоминаниями, размышлениями, личным авторским опытом, практикой и т.п., всем тем, что характеризует все публикации раздела «Современный ученый и исследовательское поле». Однако автор эссе «Когда гора рожает мышь» не просто привлекает читательское внимание к ос-

новным, самым актуальным темам отечественной этнографии/антропологии — методике, методологии исследований, организации научной и экспедиционной жизни. Самое важное для развития нашего научного направления заключается в том, что работа С.А. Арутюнова является уникальной на фоне типичной отечественной научной литературы, в которой, в отличие от мировой научной практики, не принято публично и подробно обсуждать то, что составляет предмет размышлений крупнейшего отечественного исследователя: пути преодоления научного субъективизма, проблемы отношений в исследовательском коллективе, различного рода технические и моральные стороны экспедиционно-полевой практики, вопросы взаимоотношений с информантами, многообразные и порой непростые ситуации, в которые нередко попадает ученый-исследователь, ученый-полевик.

О подобных непростых ситуациях, интересных, а порой даже судьбоносных случаях из своей богатой экспедиционной практики ярко и образно повествует Наталия Жуковская. В своих автобиографических заметках «Этнограф и поле: Господин Случай и его возможности» она предстает не только как исследователь, но и как режиссер, сценарист, актер, стратег, и одновременно глубокий аналитик и суровый критик своих многолетних, долгосрочных, плодотворных, содержательных, интереснейших и очень сложных экспедиционных проектов. Н.Л. Жуковская показывает, как длительное и регулярное пребывание этнографа в поле почти всегда сопровождается формированием разнообразных, в том числе и личных, связей с людьми исследуемого сообщества. Дружеские эмоциональные контакты исследовательницы с информаторами создают ситуацию эмпатии, которая способствует постижению самых тонких и скрытых механизмов культуры, дает ключ к пониманию ее нормативной, эстетической, когнитивной и других систем. Наблюдая за ее рассказами, невольно отмечаешь то обстоятельство, что научные открытия возможны не только благодаря исследовательским технологиям или научным институциям, а скорее, благодаря экзистенциальному накалу того или иного вопроса, который возникает в жизни исследователя, в связке с его биографией. Обычно это происходит рефлексивно, но рано или поздно обязательно фиксируется тем фактом, что исследователь ощущает начало нового этапа своей научной биографии. По опыту известно, что с представителями нашего этнографо/этнолого/антропологического научного цеха описанная выше ситуация чаще всего возникает именно в экспедиционных, полевых условиях в процессе общения с людьми.

Возможно, что именно в результате подобного экзистенциального накала тех или иных вопросов, возникших в жизни (в связке с личной биографией) наших авторов Д. Писемской и А. Кузнецова, и проявился их уникальный научный интерес к разработке достаточно оригинальных, пока еще не привычных для отечественной науки тем. Так, один из постоянных авторов «ААЖ» А. Кузнецов выбрал в качестве исследовательского объекта андропарки. В своей статье «'Анд-

ропарки' как объект антропологического изучения (опыт исследовательской саморефлексии)» он отмечает: «Новое направление в современной российской этнографии – антропология академической жизни – позволяет посредством этнографического описания и этнологического понимания изучить 'производственную кухню' сообщества научных работников, постигнуть свойственную им профессиональную 'ментальность', определить их взаимосвязь с окружающей средой и объектами исследования. Особое место в рамках формирующейся дисциплины, безусловно, занимают размышления самих авторов научных текстов, направленные на осмысление и интерпретацию собственных исследовательских практик» 45.

Статья А.А. Кузнецова представляет собою «результат подобного авторского 'самоосознания' при рассмотрении возможности и продуктивности изучения методами антропологии и этнографии такого явления современной массмедийной культуры как 'андропарки'. Речь идет об особой разновидности телевизионных программ, называемых *реалити-шоу* (reality show), участники которых – простые люди добровольно помещаются в ограниченное пространство и 'живут' длительное время под наблюдением множества видеокамер на глазах у миллионов телезрителей и интернет-пользователей»⁴⁶.

Д. Писаревская – автор статьи «Исследование субкультуры ролевых игр: соучастие vs ролевых игр» несколько лет изучала весьма распространенное в молодежной среде, но мало изученное в отечественной антропологии явление. Описание своего опыта исследования субкультуры ролевых игр Д.Б. Писаревская наполняет авторской саморефлексией, авторскими и исследовательскими впечатлениями, наблюдениями, размышлениями, всем тем, что сопровождало ее в ходе работы и служило фактором, мешавшим или помогавшем в исследовании и, в итоге, повлиявшем на научные результаты. Все это позволило Дине Писаревской, как и другим авторам сборника, обратить внимание читателей на очень актуальную для научного сообщества проблему «Современный ученый в исследовательском поле: активное соучастие или холодная отстраненность». Как остаться «независимым» исследователем, отстраненным при изучении тех или иных, особенно острых социальных проблем? Что и как можно и должно изучать в современной публичной сфере? Как повседневность (в том числе, и академическая), окружающая ученого, формирует его научный багаж? Как биография самого исследователя «работает» в качестве фактора его научной деятельности и влияет на ее результаты? Читатель вряд ли сразу найдет готовые универсальные ответы на эти и другие вопросы. Но даже их постановка уже самоценна: истинная наука, как известно, начинается с вопросов.

Следующий раздел сборника, посвященный академической повседневности, открывается статьей омских историков В. Корзун и Д. Колеватова «Профессорская семья: стиль жизни, ролевые функции в поле научной повседневности». Предметом их исследовательского интереса стала профессорская семья как со-

циокультурный феномен. Богатый источниковый материал, оказавшийся в поле внимания авторов – научная повседневность отца и сына Лаппо-Данилевских, великого историка и известного математика, классиков мировой науки - позволил им рассмотреть проблему преемственности интеллектуальных ритуалов и ценностей, в том числе в пространстве такого микросоциума, как семья; определить, каким образом социокультурный контекст являет себя через такую форму человеческой общности как семья ученого, через присущие этой общности стилевые и нормативно-ролевые (функциональные) особенности. Обращение к теме «ученый и его семья», к варианту социальных контактов, по мнению В.П. Корзун и Д.М. Колеватова, важно в плане характеристики особенностей рефлективного взаимодействия ученого и мира («миросозерцания» ученого, если пользоваться классической терминологией XIX века). Особенности эти проявляются «на семейном поле» как на уровне элементарной житейской рефлексии – рассмотрение и анализ «дел семейных и политических», так и на уровне рефлексии научной критического анализа научного знания, его значения и границ. И, наконец, в межличностных контактах родных, близких и друзей проступает рефлексия философская – осмысление общих принципов и предельных оснований бытия и мышления. Авторы этой стимулирующей, выполненной в лучших академических традициях статьи, ссылаясь на И.В. Нарского, приходят к выводу, что интересующий современных исследователей вопрос: «что делают, когда занимаются наукой», безусловно, актуален, ибо наука есть «часть жизненного мира ученого, его личностной рефлексии, один из способов познать собственные границы»⁴⁷.

Цель статьи О. Волковой и С. Шишкиной «Академическая составляющая интеллектуальной миграции малого российского города» - описание результатов теоретико-эмпирического исследования интеллектуальных миграций вне столичных и областных центров на примере малого российского города Балашова Саратовской области. Авторы – социологи в своей статье рассматривают интеллектуальную миграцию в контексте стратификационной характеристики малого российского города; характеризуют гендерную специфику интеллектуальной миграции; дают социологический портрет академического мигранта; приводят факты, касающиеся не только профессиональной, но и повседневной жизни ученыхмигрантов. В постсоветской научной литературе уже сложилась традиция изучения проблем интеллектуальной эмиграции из бывшего СССР. В данном случае ценность и актуальность обсуждения проблемы внутренней интеллектуальной миграции в том, что она связана, прежде всего, с необходимостью исследовать и прогнозировать долгосрочный выбор ученых в пользу профессиональной миграции внутри страны. Это обстоятельство чрезвычайно важно, в частности, и для формирования стратегий национальной научной политики государства на постсоветском пространстве. Разумеется, при условии, что таковые появятся в обозримой перспективе.

В третий раздел сборника также входит яркий и пока еще не привычный для российского научного сообщества текст Анастасии Золотовой «Корпоративная этика и дух еды: заметки о повседневности научного коллектива». Ее эссе, как и все статьи третьего раздела «Академическая повседневность», безусловно, вносят свой вклад в практически не занятый сегмент этнографического изучения быта профессионального научного сообщества, в анализ историко-культурного своеобразия жизни и быта ученых, в исследование деталей житейской повседневности ученых как социальной группы. Автор следующего текста «Этнолог: от повседневных практик к профессиональным традициям» украинский исследователь Галина Стоянова, одна из активных участниц первого заседания секции «ААЖ» (Саранск, 2007), утверждает, что «любой вид занятости, профессия формирует свой специфический и неповторимый мир, единство которому обеспечивают 'свои' знании, способы их передачи, свои 'правила игры', стилевые особенности, принимаемые новичками профессиональной группы. Унифицировать, создать идеальную схему профессий при всем их многообразии достаточно проблематично, скорее невозможно. А вот приблизиться к пониманию жизненного мира представителя отдельно взятой профессии помогают антропологические исследования»48. В контексте активизировавшихся антропологических исследований профессий и профессиональных групп Г.Н. Стоянова предпринимает попытку взглянуть на собственное этнологическое сообщество изнутри, основываясь на личных наблюдениях и материалах интервью, собранных среди преподавателей кафедры археологии и этнологии Одесского национального университета (ОНУ) им. И.И. Мечникова. В своем небольшом, но насыщенном эссе она демонстрирует, что, несмотря на то, что кафедра возникла сравнительно недавно (в 1993 г.), за время ее существования преподаватели-этнологи сумели сформировать свой стиль жизни и поведения, выработать не только привычки, но и традиции, свой этический кодекс, все то, что позволяет рассматривать это сообщество, как определенную профессиональную субкультуру, относя к ней как знаковые (символы, атрибуты, фольклор), так и социально-поведенческие (формы общения, нормы, стереотипы поведения) аспекты этих традиций – т.е. социальных отношения и их культурные коды. «Чтобы создать наиболее полную этнографическую картину какого-либо вида занятий, – считает автор, – необходимо по возможности погрузиться в эту среду, ощутить все тяготы и преимущества, т.е. максимально сблизиться с 'полем', что является обязательным условием для успешного этнографического исследования»⁴⁹. Одесский этнолог, изучая этнографическими методами собственную исследовательскую среду, обращается в своей работе к такому совершенно новому не только для украинской, но и для всей постсоветской антропологии жанру как автоэтнография, чему и посвящен обзор С. Соколовского, открывающий наше издание. Наряду с этим текст Г. Стояновой «Этнолог: от повседневных практик к профессиональным традициям» также во многом перекликается и с материалами следующего раздела «Научные центры России».

Четвертый раздел, посвященный научным центрам России, знакомит читателя с Омским этнологическим сообществом. Несколько лет назад, отвечая на вопрос «ЖССА» «Существуют ли в России самостоятельные научные школы в этнологии и социальной антропологии», В.А. Тишков назвал среди «наиболее ярких и имеющих свое лицо омскую этнографию»50. «Лицо омской этнографии» в разделе «Научные центры России» представлено двумя совершенно разными по жанру, но одинаково интересными и информационно насыщенными текстами, вместе создающими яркий и многогранный портрет омского этнологического сообщества. Статья родоначальника омской этнографической школы Николая Аркадьевича Томилова и одной из его талантливых учениц Марины Александровны Жигуновой «Омский научный этнографический центр: штрихи к портрету» подробно рассказывает об одном из самых ранних этнографических научных центров Западной Сибири, где этнографические исследования проводятся более 150 лет. Авторы повествуют о современных научных достижениях омского этнологического сообщества, об академической и экспедиционной повседневности, о богатом фольклоре представителей омского научного сообщества. Яркие образцы, богатые россыпи разнообразного фольклорного творчества талантливых во всем омских коллег содержат «Записки этнографички» известного омского исследователя доктора наук Татьяны Борисовны Смирновой.

Междисциплинарный характер коллективного труда показал, насколько важна саморефлексия не только для этнографии/этнологии, но и для всех смежных с ней наук, и сколь многогранной может быть ее трактовка в различных специальностях и направлениях. Даже порой распадаясь на ряд монологов, откликов и попыток размышлять на ту или иную тему, все тексты сборника представляют собой очень интересное и поучительное чтение, давая палитру мнений, открывая различные нюансы и аспекты проблемы, демонстрируя разные аргументы, разный исследовательский опыт и разную манеру самовыражения. Авторов объединяет главное – стремление осмыслить собственный социальный и духовный опыт, понять, как он преломляется в профессиональной деятельности, а также развивать новые подходы в научном постижении реальности человеческого бытия, в исследовании актуальных проблем и вызовов времени. Неслучайно М.А. Мамонтова в своей рецензии на наш сборник отмечает, что «структурное построение сборника и удачная компоновка материала выводит читателя на глубокие размышления о своей профессии, о специфике и структуре научного поля, о неявно выраженных, но весьма важных 'правилах игры' в научном сообществе, формирует исследовательский интерес к ранее неизученным 'теневым' сторонам корпорации ученых, одним словом, ориентирует на непроизвольное погружение в пространство нового междисциплинарного подхода – 'Антропология академической жизни'»51.

Петрозаводск – 2011

Научная междисциплинарность была и остается основополагающей идеей подготовки и проведения всех заседаний нашей секции. Именно она изначально

была заложена и в расширенное название нового научного направления - «Антропология академической жизни», а не «Этнография этнографии», например. И как уже ранее упоминалось, ставка на междисциплинарный подход в русле этого исследовательского направления вполне оправдывает себя. Когда этнографы/этнологи/антропологи и их братья по социогуманитарному цеху исследуют вопросы, наиболее актуальные для собственных научных направлений, но находящиеся в едином исследовательском поле ААЖ, широкая междисциплинарная постановка проблемы позволяет охватить разноплановые и порой новые, неожиданные аспекты этой тематики. Очередным подтверждением этому стало третье заседание секции «Антропология академической жизни» в рамках IX Конгресса этнографов и антропологов России, состоявшееся в июле 2011 г. в Петрозаводске. Работа секции уже традиционно отличалась широким междисциплинарным составом участников, высоким профессиональным уровнем докладов, активностью многочисленной аудитории (согласно списку, на секции присутствовало 97 человек). Делясь впечатлениями о IX Конгрессе этнографов и антропологов России, один из участников заседания, написал: «Я присутствовал на этой секции с ее первого проведения на конгрессе в Саранске. Она постоянно вызывает очень большой интерес. В этот раз желающих послушать доклады было не просто много, а очень много <...>Достоинством этой секции является то, что ее руководитель Комарова Г.А. не просто проводит заседания, а ведет последовательную линию на развитие этого направления в науке, поэтому заседания секции ориентированы на выходящие сборники, которых уже два, и обсуждение текущих докладов соотносится с участием в будущем сборнике. Последовательность такой линии позволяет создавать сообщество участников и развивать само направление, а также делать секционное заседание качественным»52. Коллеги также отмечали, что «очевидный интерес, проявленный со стороны участников конгресса к работе секции по антропологии академической жизни, заставляет еще раз подумать о формах и способах подготовки и проведения секционных заседаний. Нетривиальность темы, наличие группы исследователей, составляющей ядро участников, нацеленность на дальнейшую работу в рамках этой тематики (хотя бы только в рамках подготовки очередного выпуска сборника по итогам работы секции), наверное, лежат в основе ее успеха, и этот опыт, мне кажется, должен быть учтен при подготовке других секций очередного конгресса»53.

В начале заседания выступил В.А. Тишков. Он выразил поддержку новаторскому междисциплинарному направлению — антропология академической жизни, определив его как серьезный и перспективный научный подход. Работа секции началась с доклада философа И.В. Янкова «Конференции: коммуникации, ритуалы и нарративный фетишизм». В своем интересном и познавательном докладе он говорил о том, что конференции являются формой воспроизводства научного сообщества и формой поддержания социального статуса участников.

Наряду с прямыми академическими задачами, конференции являются формой структурирования и репрезентации социальных отношений, как внутри научного поля, так и по отношению к другим социальным полям. Участие в конференциях и научные выступления могут быть мотивированы скрытыми для самих акторов причинами и могут быть идеологически и психологически «нагружены».

На петрозаводской секции все междисциплинарное разнообразие тем и научных подходов было представлено в докладах, сгруппированных в четыре тематические блока, которые охватили различные стороны академической жизни. Так, в актуальных и новаторских докладах А.А. Пригарина «Факт(ор) этнографии: об авторстве антропологических знаний» и С.П. Тюхтеневой «'Свой'/'чужой' этнограф в поле (саморефлексия по поводу полевой работы среди алтайцев в Республике Алтай)» особое внимание уделялось этике и прагматике полевой работы, размышлениям над тем, как сохранить баланс между этическими принципами и прагматическими целями исследования в ходе преодоления трудностей, с которыми исследователь сталкивается в экспедиционном «поле». Тема «Этос науки» получила непривычное развитие и неординарное решение в докладах В.А. Шнирельмана «Советский археолог: научная или политическая миссия?», А.Н. Еремеевой «Ученый в условиях гражданского противостояния: специфика научной деятельности и научной коммуникации» и С.Н. Филимончик «Ученыегуманитарии в провинции в сталинскую эпоху (на материалах Карелии 1930-х гт.)». В ходе дискуссии был сделан вывод о том, что изучение социального контекста развития науки нужно не для того, чтобы привлечь внимание общественности и политизировать роль науки в обществе. Подобные исследования (прежде всего, работы В.А. Шнирельмана) – это попытка понять с позиций социальнокультурной антропологии, почему подобные явления происходят в научной среде. Их изучение актуально, необходимо и представляют собой полноправное направление антропологии академического сообщества. Важно, что доклады историков, философов, культурологов, этнологов, археологов, психологов и др., выступавших в разных тематических блоках, постоянно перекликались между собой. Например, Л.П. Пискунова, А.Н. Еремеева, И.П. Кулакова, С.Н. Филимончик, рассматривая различные исторические эпохи и экзистенциальные ситуации, когда происходят разрывы в повседневном опыте существования, когда перестают действовать выработанные десятилетиями социальные механизмы, показали, как в каждом случае возникает научное сообщество и как его повседневность создается из хаоса социальной материи, конструируется индивидами в ходе практических взаимодействий. Все изученное — повседневность, традиции, различные практики, совокупность адаптивных средств, всю жизнедеятельность сообщества предстоит описать как субкультуру. На секционном заседании «Теория и практика репрезентации науки» были заслушаны доклады И.А. Гринько «Репрезентация отечественной этнологии в художественной литературе и кино: опыт, проблемы и перспективы» и Н.П. Мироновой, Т.П. Филипповой, Н.Г. Лисевич «Некоторые практики репрезентации научного работника (на примере фотодокументов Коми НЦ УрО РАН)». Особый интерес вызвал доклад И.А. Гринько, посвященный репрезентации ученого-этнографа в отечественной литературе и кинематографии, автор которого сравнивает образы этнографа и археолога в массовой культуре на примере российской и американской традиций.

Итоги работы петрозаводской секции уже обобщены в третьем томе «Антропологии академической жизни», который готовится к выходу в свет⁵⁴.

Антропология академической жизни опыт саморефлексии

Следующее заседание секции «Антропология академической жизни» будет посвящено опыту саморефлексии исследователя. Надеюсь, что эта идея найдет отзвук среди коллег, т.к. проблема появления, зарождения, возникновения нового знания («социального знания») в связи с научной биографией исследователя волнует представителей разных наук, и, прежде всего, тех ученых, кто совершает своего рода общественный прорыв, благодаря открытому ими знанию. Обычно это происходит рефлексивно, но рано или поздно обязательно фиксируется тем фактом, что исследователь ощущает начало нового этапа своей научной биографии. По опыту известно, что с представителями нашего научного цеха этнографов/этнологов/антропологов описанная выше ситуация чаще всего возникает в экспедиционных, полевых условиях, в процессе общения с людьми.

Для современной этнографии/этнологии/антропологии осмысление себя самой особенно актуально, т.к. именно саморефлексия позволяет ей интегрировать разрозненные части, по-настоящему осознать себя как науку, со своими задачами, принципами и методами, которые обеспечат достижение поставленных исследовательских целей, чтобы инновация стала эффективной, необходимо внутреннее развитие, зрелость для восприятия нового. В современном научном мире приоритетной становится задача разработки программы стратегии упрочения идентичности этнологии/антропологии как науки. Ее важной составляющей должно стать осмысление в контексте постсоветского академического пространства прошлого, настоящего и будущего этнологического сообщества, а также саморефлексия в рамках собственной дисциплины. Это особенно важно сегодня в условиях глубоких внутренних трансформаций гуманитарных знаний, «изменений интеллектуального ландшафта», которые проявляют себя на фоне смены поколений ученых, интеллектуальных ориентаций в профессиональном сообществе, исследовательских парадигм, языка науки. Чтобы лучше понять общественное явление ученый-обществовед должен учитывать на своем исследовательском пути весь комплекс собственного индивидуального опыта, который формирует многие изначальные установки, исследовательский интерес к определенным темам, предметным и объектным сферам, предпочтения в методах, возможные «слабые» места, а иногда и заранее заготовленные результаты еще не проведенной работы. И именно антропология академической жизни может служить специфическим способом рефлексии над пределами и возможностями развития науки и научного сообщества, в том числе и антропологического.

Развитие такого научного направления как антропология академической жизни, является важным шагом на пути популяризации идеи саморефлексии в отечественных общественных науках. Оно позволяет вынести эту проблему на широкое обсуждение в научном мире, указать на новый путь в развитии науки, суть которого - в изменении отношения научного сообщества к своей деятельности, к выходу на новый уровень самосознания благодаря саморефлексии. «Очарование и трудность современной науки состоят в том, что философская рефлексия, которой раньше можно было избежать, хотя по-настоящему большие ученые этого никогда не делали, сегодня необходима постоянно, она не только сопутствует эмпирическому исследованию, но часто опережает его. И от этого мы никуда не денемся, хотим мы того или нет»55.

Метаморфозы, происходящие в российской науке, в отечественном научном сообществе в постсоветские времена, радикальные трансформации научной повседневности невозможно понять без обращения отечественных исследователей к весьма перспективному и важному для нашего профессионального сообщества направлению – антропологии академической жизни. Главная задача этого новаторского научного направления – приблизить академическое сообщество к решению ключевых проблем – обеспечения самосохранения, обновления круга исследовательских тем, и в целом, возможности его успешного развития в дальнейшем. Объединение коллег вокруг данной тематики позволит, как мы надеемся, институализировать исследования антропологии академической жизни в качестве отдельного научного направления в структуре отечественного социогуманитарного знания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1. Кон И.С. Несвоевременные размышления на актуальные темы // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 3-4.
- 2. Тишков В.А. Ученый и академия // Авторский архив. М.: 1990. C. 14.
- 3. Там же. С. 13–14. 4. Там же. С. 13.
- 5. Кон И.С. Несвоевременные размышления. С. 3.
- ⁶ Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризи-са // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–20.
- Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этно-графия чеченской войны). М.: Наука, 2001. С. 49.
- 8 Бочаров В.В. Рец. на: Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука. 552 с. // Этнографическое обозрение. 2003. № 1 C 149-154
- Интервью с Валерием Александровичем Тишковым // Время «МН» 11.11.2000.

- 10. Clifford M. Writing Culture: The Poetics and Politics of Eth-nography / Ed. by J. Clifford and G. Marcus. Berkeley: University of California Press, 1986. P. 4–7.
- 11. Рокимянский В.Р. Искусство встречи // Этнометодология. 1998. Вып. 5. С. 59–64.
- 12. Яницкий О.Н. В обществе меня всегда интересовала другая сторона медали // Социологический журнал. 2002. № 1. С. 152. 13. *Комарова Г.А.* Рец. на: В.А. Тишков. Наука и жизнь. Раз-
- говоры с этнографами. СПб.: Алетейя, 2008 // Этнографическое обозрение. № 6. С. 181–187.
- 14. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. С. 17.
 15. Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами.
- СПб.: Алетейя, 2008. С. 151
- 16. Там же. С. 85
- 17. Елфимов А.Л. О дисциплине, авторитете и прочем // Антропологический форум. СПб., 2008. № 9. С. 90.

- ^{18.} Антропологический форум. Специальный выпуск к VI КЭАР. СПб., 2005. С. 225.
- ^{19.} *Абашин С.Н*. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред.и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008 // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 164.
- 20. Игрунова Н. Обрыв связи // Дружба народов. 2005. № 1. C. 200.
- 21. Комарова Г.А. Рец. на: В.А. Тишков. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами; Комарова Г.А. Антрополог это очевидец // Антропологический форум. 2010. № 12; Комарова Г.А. Антропология академической жизни как практика этнографического описания и этнологического понимания // Антропология социальных перемен. М., РОССПЭН. 2011. С. 11–34. ^{22.} Комарова Г.А. Антропология академической жизни как
- практика этнографического описания и этнологического понимания. С. 11-34.
- 23. Комарова Г.А. Рец. на: В.А. Тишков. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами.
- 24. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная антропология: образование, наука, профессия // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 33.
- 25. Юдин Г.Б. Иплюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 57.
- 26. Щепанская Т.Б. Конструкции гендера в неформальном дискурсе профессий // Антропология профессий / Под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований. 2005. C. 51.
- 27. Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред. Г.А. Ко-
- марова. М., 2008. 28. Абашин С.Н. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. С. 166.
 ^{29.} Geertz C. Local Knowledge: Further Essays in Interpreta-
- tive Anthropology. New York: Basic Books, 1983.
 30. Антропология академической жизни: адаптационные
- процессы и адаптивные стратегии.
- 31. Шнирельман В.А. Наука и этика: могут ли ученые избежать ксенофобии // Антропология академической жизни. С. 68–81.

 32. ПригаринА.А. Модели исследовательских стратегий в
- этнологии: вызов поля и индивидуальный опыт // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. С. 141.
- 33. Соколовский С.В. Этнографическое исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозре-
- ние. 1993. № 2. С. 41.

 34. *Кузнецов А.А.* Антропология современного провинциального музейного сообщества (на примере историкокраеведческих музеев г. Ульяновска) // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. С. 258.
- 35. Абашин С.Н. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. С. 163–166; Форум о форуме (или о состоянии дискуссионного поля науки) // Антропологический форум. СПб., 2009. № 10. С. 487–489; *Боряк Е*. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 453–459; Корякин К.В. Рец. на: Антропология академической жизни: адапта-

- ционные процессы и адаптивные стратегии // Неприкосновенный запас. 2009. № 6 (68); Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная антропология: образование, наука, профессия // Этнографическое обо-зрение. 2009. № 5. С. 33.
- ^{36.} Боряк Е. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 453.
- ^{37.} Корякин К.В. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии // Неприкосновенный запас. 2009. № 6 (68).
- 38. *Комарова Г.А.* Рец. на: В.А. Тишков. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами.
- 39. Абашин С.Н. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. С. 163–166; *Боряк Е*. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 453–459; *Корякин К.В.* Рец. на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии // Неприкосновенный запас. 2009. № 6 (68).
- 40. Мониторинг научной жизни антропологического сообщества 2008 года// Антропологический форум. СПб., 2009. № 11. C. 487.
- 41. Thomas K. History and Anthropology // Past and Present. 1963. № 24. P. 7
- 42. Антропологический форум. Специальный выпуск к VI
- КЭАР. СПб., 2005. С. 214.

 43. Галова Е.И. Гендерные исследования как зеркало пост-советской академии // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2. С.
- 44. Невидимые грани социальной реальности. К 60-летию Эдуарда Фомина: Сб. статей по материалам полевых исследований / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. ЦНСИ. Труды. Вып. 9. СПб., 2001. С. 4.
- 45. Кузнецов А.А. «Андропарки» как объект антропологического изучения (опыт исследовательской саморефлексии) // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. Т. 2. С. 186.
- 47. Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. (Автобио-историо-графический роман). Челябинск,
- 48. Стоянова Г.Н.Этнолог: от повседневных практик к профессиональным традициям // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. Т. 2. С. 269.
- ^{49.} Там же.
- 50. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. С. 21.
- Мамонтова М.А. Рец. на: Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. Т. 2 // Антропологический Форум. 2012. № 15. С. 347.
- 52. Антропологический форум. 2011. № 14. С. 590–591.
- Там же. С. 563.
- 54. С их предварительным анализом также можно ознакомиться в журнале «Антропологический форум». 2011. № 15 // Online
 - http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/15online/
- 55. Кон И.С. Несвоевременные размышления на актуальные темы. С. 5.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

1990 г.

- №1 *Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д.* О национальной ситуации на Северном Кавказе.
- №2 *Брук С.И.* Немцы в СССР: современная ситуация.
- №3 Калиновская К.П., Марков Г.Е. Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.
- №4 *Соколова 3.П.* Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.
- №5 Арутнонов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.
- №6 *Тер-Саркисянц А.Е.* Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.
- №7 Васильев В.И. Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.
- №8 *Иванова Ю.В.* Греческое население Грузии: современные межетнические отношения.
- №9 *Бушков В.И.* О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР.
- №10 *Брусина О.И.* О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области.

1991 г.

Серия А:

- №11 Сагнаева С.К. Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.
- №12 Тишков В.А. Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).
- №13 *Иванова Ю.И.* Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.
- №14 *Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И.* О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.
- №15 *Брук С.И.* Народы СССР в стране и за рубежом.
- №16 *Гурвич И.С., Батьянова Е.П.* Современное развитие межнацио-

- нальных отношений в Чукотском автономном округе.
- №17 *Осилов А.Г.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).
- №18 Жорницкая М.Я. Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май–июнь 1990 г.).
- №19 *Остроух И.Г.*, *Шервуд Е.А.* Меннониты Оренбургской области.
- №20 *Брусина О.И., Осипов А.Г.* К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.
- №21 *Григорьева Р.А.* Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).
- №22 Емелья́нов В.М. Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.
- №23 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития.
- №24 Абашин С.Н., Бушков В.И. Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.
- №25 *Молчанов М.А.* Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины.

Серия Б:

- №1 Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.
- №2 *Крюков М.В.* Политика национальной автономии в Китае.
- №3 *Стельмах В.Г.* Самоуправление индейских резерваций в США.
- №4 *Кожановский А.Н.* Испания: этничность и регионализм.

1992 г.

Серия А:

- №26 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.
- №27 Шинкевич С., Заринов И.Ю. Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.

- №28 *Сагнаева С.К.* Российское казачество.
- №29 Островидова Е.Ю. Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы суверенизации бывших союзных республик.
- №30 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.
- №31 *Сатвалдыев А.Н.* К характеристике религиозной ситуации в Шахимардане (Узбекистан).
- №32 Губогло М.Н. Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №33 Губогло М.Н. Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №34 *Гузенкова Т.С.* Межэтническая ситуация в Калмыкии.

Серия Б:

- №5 Празаускас А.А. Индия: национальная политика и федерализм.
- №6 Соколова И.В. Политика официального индеанизма в Мексике (идеология и практика).

- №35 Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.
- №36 *Малькова В.К.* Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).
- №37 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).
- №38 *Бутанаев В.Я.* Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.
- №39 *Батьянова Е.П.* К этнополитической ситуации в Кемеровской области.
- №40 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Таджикистан: Что происходит в республике?
- №41 Малькова В.К. Пресса о совре-

- менной этнической ситуации в Татарстане.
- №42 *Буяхаев С.С.* Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.
- №43 Шнирельман В.А. Бикинские удэгейцы: политика и экология.
- №44 Ногайцы сегодня. [Калиновская К.П., Марков Г.Е. Поиски решения проблем в Ногайской степи. Викторин В.М. Астраханские ногайцы.
- №45 *Бабич И.Л.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.
- №46 *Кыдыева В.Я.* К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.
- №47 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.
- №48 *Смирнова Я.С.* Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.
- №49 Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.
- №50 Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.
- №51 *Тишков В.А.* Русские в Средней Азии и Казахстане.
- №52 *Тишков В.А.* Русские как меньшинства (пример Эстонии).
- №53 *Популенко Н.А.* Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски.
- №54 Васильев В.И., Малиновская С.М. Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

- №55 *Тер-Саркисянц А.Е.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).
- №56 *Жуковская Н.Л.* Республика Бурятия: Этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).
- №57 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1991–1993 гг.).
- №58 *Таболина Т.В.* Панорама современного казачества: Истоки, контуры, типологизация.
- №59 Филиппов В.Р. Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993 гг.).
- №60 Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, языки, попитика

- №61 *Иванов А.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).
- №62 Столярова Г.Р. Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.
- №63 *Шаров В.Д.* Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.
- №64 *Бирин В.Н.* Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.
- №65 *Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д.* Этнополитическая ситуация в Калмыкии.
- №66 Восходов И.И., Комарова Г.А. Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень–зима 1993 г.).
- №67 Шабаев Ю.П., Рогачев М.Б., Котов О.В. Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.
- №68 *Аккиева С.И.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике.
- №69 Абаева Л.Л., Крянев Б.П. Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994 г.).
- №70 *Хаджибиеков Р., Полякова Т.* Этнополитическая ситуация в Адыгее.
- №71 Зыков Ф.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1003 г
- №72 Кисриев Э.Ф. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан
- №73 *Куликов К.И., Христолюбова Л.С.* Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993г.
- №74 Кужугет А., Татаринцева М. Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.
- №75 Зубков А.А., Маресьев В.В. Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.
- №76 *Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б.* Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.
- №77 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк І. Плоды суверенизации.
- №78 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.
- №79 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.

№80 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Всходы реинтеграции.

1995 г.

- №81 Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области
- №82 Иванова Ю.В. Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние
- №83 *Ильин В.И.* Республика Коми: этнос и политика.
- №84 *Мартынова М.Ю.* Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).
- №85 Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я. Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.
- №86 *Рубан* Л.С. Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.
- №87 Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.
- №88 *Смольникова Н.В.* Немцы Поволжья: современные этнополитические проблемы
- №89 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Карачай в контексте новой исторической реальности.
- №90 *Кульчик Ю.Г.* Республика Узбекистан в середине 90-х годов.
- №91 *Мартынова М.Ю.* Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

- №92 Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А. Сибирские татары: Этнокультурные и политические проблемы возрождения.
- №93 *Михайлов С.С.* Положение ассирийцев вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.
- №94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. / Брусина О.И. Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; Митина Д.А. Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане/.

- №95 *Малькова В.К.* Русское население в российских республиках.
- №96 *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.
- №97 *Лопуленко Н.А.* Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.
- №98 Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.
- №99 *Каган, Микаэлла.* Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.
- №100 *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России

- №101 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).
- №102 Дерябин В.С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.
- №103 *Малькова В.К.* Республиканская пресса России новая этнонациональная идеология.
- №104 *Жуковская Н.Л.* Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.
- №105 *Аринин А.Н.* Российская государственность и проблемы федерализма.
- №106 *Шабаев Ю.П., Пешкова В.М.* Русские в республике Коми.
- №107 Ямсков А.Н. Русское население в полиэтничных районах Закавказья, Сибири и Урала.
- №108 Поляков С.П., Бушков В.И. Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе.
- №109 *Таболина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.
- №110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

1998 г.

- №111 Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная: конфликт или согласие? (По данным опроса московских школьников).
- №112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.
- №113 *Червонная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.
- №114 Шнирельман В.А. Неоязычество и национализм. Восточно-Европейский ареал.
- №115 Малькова В.К. Москва много-

- национальная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.
- №116 *Сирина А*. Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.
- №117 Смольникова Н.В. Немцы Волгоградской области: Этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995—1997 гг.
- №118 Балалаева О., Уигет Э. Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов).
- №119 Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю. Калининградская область: Современные этнокультурные процессы.
- №120 Абашин С.Н., Бушков В.И. Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

1999 г.

- №121 *Ръвкакова С.И.* Dievturiba. Латышское неоязычество и истоки национализма.
- №122 Комарова Г.А. Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.
- №123 Шнирельман В.А. Формирование этничности: тлингиты юговосточной Аляски в конце XX в.
- №124 Кашуба М.С. Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).
- №125 Козлов С.Я. Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?
- №126 Сирина А.А. Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?
- №127 *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе.
- №128 *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы
- №129 *Червонная С.М.* Карачаево-Черкесия – 1999: Выборы главы республики.
- №130 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

2000 г.

№131 *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.

- №132 Перепись 2002: проблемы и суждения.
- №133 *Бабич И.Л.* Правовой монизм в Северной Осетии: История и современность.
- №134 *Ярлыкапов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе.
- №135 *Заурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне.
- №136 Рыжакова С.И. Ромува. Этническая религиозность в Литве.
- №137 Козлов С.Я. Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.
- №138 Города Подмосковья: Этнодемографические и гендерные проблемы

2001 г.

- №139 Зенько М.А. Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы.
- №140 Воробьев Д.В. Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).
- №141 Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н. Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.
- №142 Малькова В.К. Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и иноэтничные мигранты: Вэгляд доуг на доуга.
- №143 Рыжакова С.И. Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.
- №144 *Матвеев В.А.* «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.
- №145 Степанов В.В. Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

- №146 *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.
- №147 *Матвеев В.А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность.
- №148 *Ситнянский Г.Ю.* Тринадцатый миф о Центральной Азии.
- №149 Силантьев Р.А. Этнический аспект раскола исламского сообщества России.

- №150 *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация.
- №151 *Смирнова С.К.* Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России.
- №152 *Сирина А.А.* Народы Севера Иркутской области.
- №153 *Юраков А.В.* Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.
- №154 *Смирнова С.К.* Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.
- №155 Ocunoв A.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).
- №156 *Смирнова С.К.* Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.
- №157 *Смирнова С.К.* Современные этнополитические процессы в Удмуртии.
- №158 Бабич И.Л. Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.
- №159 *Димаева Ф.В.* Ислам в современной Чеченской республике.

- №160 Ситнянский Г.Ю. Русские в СНГ «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федера-
- №161 Тишков В.А. Историко-антропологический анализ переписи населения.
- №162 *Миссонова Л.И.* Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).
- №163 *Заурбекова Г.В.* Ваххабизм в Чечне
- №164 Аксянова Г.А., Давыдова С.С. Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).
- № 165 Анайбан З.В. Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям)
- №166 Устинова М.Я. Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. начало XXI в.).

2004 г.

№167 *Харитонова В.И.* Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.

- №168 Шлыгина Н.В. Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.
- №169 Фаис О.Д. Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции).
- №170 *Лопуленко Н.А.* Опыт автономии в Канадской Арктике Нунавут
- №171 *Hаумова О.Б.* Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).
- №172 Найденова Е.А. Поликультурное образование как средство воспитания межэтнической толерантности.
- №173 *Ториев Б.Х.* Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель—май 2003 г.).
- №174 Губогло М.Н., Дубова Н.А. Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
- №175 Субботина И.А. Молдавия: Этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества.

2005 г.

- №176 Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Холман Д., Шенфилд С. После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов.
- №177 Грачёв С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В. Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
- №178 *Каландаров Т.С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России.
- №179 *Питерская Е.* Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике
- №180 *Субботина И.А.* Гагаузы: транс-формация расселения и современные миграционные процессы.
- №181 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
- №182 *Олимова С., Олимов М.* Трудовая миграция в Афганистане.
- №183 Финно-угорские народы России: Общее положение, проблемы и решения.

2006 г.

№184 *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях

- №185 *Мартынова М.Ю.* Сербия— Черногория—Косово: одно государство или три?
- №186 Сирина А.А., Фондал Г.А.
 Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь Тихий океан».
- №187 Новикова Н.И. Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.
- №188 Александренков Э.Г. Индихенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).
- №189 Новиќова Н.И., Якель Ю.Я. Судебная защита права на традиционное природопользование: Антрополого-правовые аспекты.
- №190 Остапенко Л.В. Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.
- №191 Анайбан З.В. Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни
- №192 *Рыжакова С.И.* Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования

2007 г.

- №193 *Череватенко В.И.* Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.
- №194 *Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX— начало XXI в.).
- №195 Устинова М.Я. Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: Новые вызовы.
- №196 *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.
- №197 *Александренков Э.А.* Аборигены Колумбии и государство.
- №198 *Ситнянский Г.* Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.
- №199 *Банаева М.Г.* Бурятская община г. Москвы.

- №200 *Тишков В.А.* 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.
- №201 *Малькова В.К.* Образы многонационального города в современной столичной прессе.

- №202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.
- №203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.
- №204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.
- №205 Сирина А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П. Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транспортировки.
- №206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: Опыт антропологического исспедования
- №207 Харитонова В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А. В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм).
- №208 *Бабич И.Л.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа.

- №209 *Локшин А.Е.* История российских евреев в школьных учебниках РФ.
- №210 *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Франции.
- №211 *Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени
- №212 *Кожановский А.Н., Любарт М.К.* Проблемы западноевропейской

- иммиграции на примере Франции и Испании.
- №213 Бабич И.Л. Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI в.
- №214 Эпштейн А.Д. В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта
- №215 *Бабич И.Л., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма.

2010 г.

- №216 Данилко Е.С.. Маленький провинциальный город в современной России
- №217 Новикова Н.И., Степанов В.В. Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.
- №218 Европейская языковая Хартия и Россия.
- №219 Заурбекова Г.В. Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской республике (1991—1999 гг.).
- №220 Опарин Д.А., Уманская А.И. Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут).
- №221 Шлыгина Н.В. Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус
- №222 Зотова Н.А. Узбекские общины в России: новые диаспоры (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани и Красноярска).

№223 Миссонова Л.И. Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 г. до переписей XXI-го века

2011 г.

- №224 *Устинова М.Я.* Неграждане Латвии: статус и перспективы интеграции.
- №225 *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность.
- №226 *Mameees B.A.* "Черкесский вопрос": современные интерпретации и реалии эпохи.
- №227 Анайбан З.В. Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве.

2012 г.

- №228 Лопуленко Н.А. «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» (1990–2011 гг.): Аналитический обзор.
- №229 Комарова Г.А. Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований.

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:

119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а. Институт этнологии и антропологии РАН

тел. (8-495) 938-00-19 E-mail: INFO@IEA.RAS.RU

> fax: (8-495) 938-06-00 http://www.iea.ras.ru/

Подписано к печати 18.06.2012 Тир. 100 экз. Печ. л. 2,4 Заказ № 18

Комарова Галина Александровна

Ведущий научный сотрудник ИЭА РАН, доктор исторических наук. Автор свыше двухсот научных работ на русском, английском, словацком, японском, чешском, финском, немецком языках, в том числе, девяти монографий. Инициатор новаторских проектов, автор, ответственный редактор трудов, посвященных этнокультурным проблемам общества риска; роли фактора пола в этнокультурных процессах; этническим аспектам брачного партнерства; этнографии детства, этносоциальным процессам в постсоветском пространстве, роли междисциплинарного взаимодействия в отечественной этнографии; антропологии академической жизни. Участник более сорока отечественных и зарубежных научных конгрессов и симпозиумов. Руководитель и участник свыше пятидесяти экспедиций в различные регионы бывшего СССР и зарубежных стран. В общей сложности провела в этнографическом поле более семи лет, из них свыше 400 дней вела полевые исследования в зоне повышенной радиации.

Komarova Galina Aleksandrovna

Leading researcher, IEA RAS, Doctor in history. She has more than 200 publications in Russian, English, Slovak, Japanese, Czech, Finnish, German, including 9 monographs. Initiator of innovative projects, author and managing editor of books on ethnocultural problems of society in risk; gender studies; ethnic peculiarities of marriage partnership; anthropology of childhood; ethnosocial processes in the post-Soviet space; interdisciplinary studies in Russian anthropology; an anthropology of academic life. She participated in more than 40 congresses and symposia in Russia and abroad. She was a director and a participant of more than 50 field studies in various regions of the former USSR and abroad. All in all she has spent more than seven years conducting fieldwork, including 400 days of field research in a high radiation zone.

